

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ

Сборник статей Российская империя в сравнительной перспективе

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3118205*

*Российская империя в сравнительной перспективе Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера:
Новое издательство; Москва; 2004
ISBN 5-98379-011-0*

Аннотация

Насколько мы осознаем сегодня имперское измерение российской истории, его характерные особенности и черты, общие с другими империями? Сборник новых статей ведущих российских и зарубежных исследователей демонстрирует новые возможности сравнительного изучения истории Российской империи XVIII – начала XX века.

Содержание

От редактора	4
Александр Чубарьян	6
Александр Семенов	9
Сравнивая континентальные империи	18
Альфред Рибер	18
Примечания	37
Доминик Ливен	40
Примечания	51
Андреас Каппелер	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сборник статей Российская империя в сравнительной перспективе

От редактора

Включенные в эту книгу статьи подготовлены на основе докладов, которые были представлены на международной конференции «История империй: сравнительный подход в преподавании и исследованиях», прошедшей в Москве в июне 2003 года. Конференция стала кульминацией проекта «История Российской империи в общемировом контексте», начатого в 2001 году в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» российского представительства Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в сотрудничестве с историческим факультетом Центрально-Европейского университета в Будапеште (ЦЕУ). Конференция проводилась при финансовой и организационной поддержке Института «Открытое общество», Института всеобщей истории РАН и Центрально-Европейского университета. Сегодня уже ясно, что проект был весьма своевременным, – он вызвал большой интерес в России и за рубежом; готовится к публикации еще ряд книг, созданных в рамках проекта коллективами российских и зарубежных авторов. Среди них – антология переведенных на русский язык новейших зарубежных исследований по истории Российской империи, серия книг по истории различных окраин Российской империи. Хочется надеяться, что эти издания помогут ввести проблематику империи, – а она, по нашему убеждению, является стержневым фактором истории России – в преподавание истории в наших вузах, ведь до сих пор в программах и образовательных стандартах по истории даже слово «империя» отсутствует.

Понять имперское измерение истории России можно только при использовании сравнительно-исторического подхода.

Именно этому и была посвящена московская конференция, в ходе которой специалисты из России и ведущих университетов и научных центров Европы, США, Турции и Японии представили более 30 докладов. В фокусе конференции было сравнение империй – Романовых, Габсбургов и Османской – в период до 1914 года. Ее главной задачей являлось исследование процессов формирования этих империй, механизмов их легитимации и функционирования, причин их устойчивости в контексте преподавания сравнительной истории. Однако целый ряд докладов был посвящен и другим империям – Британской, Германской, Испанской. Подробнее о конференции в целом и о дискуссиях, проходивших в течение трех дней ее работы, рассказано во включенной в эту книгу статье А. Семенова (ЦЕУ).

В настоящее издание вошли те работы, в центре внимания которых находится Российская империя. Некоторые работы построены как компаративистские – статьи А. Рибера (ЦЕУ), Д. Ливена (Лондонская школа экономики), отчасти А. Миллера (ЦЕУ, ИНИОН РАН). Другие работы исследуют тот или иной аспект истории лишь одной империи. Это объясняется тем, что несколько сессий конференции были запланированы как представления ряда case-studies отдельных империй по заранее согласованному кругу вопросов: генезис империй, элиты империй, экономические отношения центра и периферии в империях. Мы целиком включили в книгу материалы сессии по элитам Османской (А. Сомель, Университет Сабанчи, Турция), Габсбургской (Х.-П. Хёе, Австрийская академия наук) и Российской империй (А. Каменский, РГГУ), к которым примыкает статья по сравнению ментальности имперских военных элит (Е. Сергеев, Институт всеобщей истории РАН). Также в сборник целиком вошли материалы сессии по сравнению экономических структур Россий-

ской и Османской империй – статья Б. Ананича (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и Е. Правитовой (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге) и статья К. Чичека (Технический университет Карадениза, Турция). Взятые вместе, эти исследования дают читателю прекрасный материал для сравнения. Мы публикуем и статью А. Каппелера (Венский университет), чей доклад вызвал на соответствующей сессии конференции оживленную дискуссию о генезисе Российской империи.

Публикуемые здесь статьи А. Ремнева (Омский государственный университет) о Сибири в воображаемой географии империи и А. Миллера о пространственном измерении империи и нации в воображении русского национализма были представлены на сессии о воображаемой географии империй. Интереснейшая работа Дж. Бёрбэнк (Нью-Йоркский университет) о проблемах, связанных с попытками унификации местных судов в Российской империи, являлась частью сессии о неэлитных группах империй. Книгу заключают размышления А. Давидсона (Институт всеобщей истории РАН) о наследии империй и роли историков в постимперском пространстве.

Часть других статей, написанных на основе московских докладов, публикуется по-английски в издательстве CEU-Press. С первоначальными версиями публикуемых в этой книге статей, наряду с программой конференции и другими материалами, можно ознакомиться на интернет-сайте <http://www.empires.ru>, который тоже является частью комплексного проекта российского представительства Института «Открытое общество» по сравнительному изучению истории Российской империи.

Алексей Миллер

Александр Чубарьян

Тема империй в современной историографии

История империй уже долгое время привлекает внимание историков во многих странах мира. Оформившиеся несколько лет назад международные и национальные проекты позволили включиться в исследования «имперской» проблематики многим известным и молодым ученым. Были проведены конференции и круглые столы, появились индивидуальные и коллективные монографии.

Не осталась в стороне и российская историческая наука, причем исследования проводились не только в Москве и Петербурге, но и во многих регионах страны.

Чем же можно объяснить столь высокий интерес к теме империи? И каковы итоги уже проведенных исследований?

Изучение истории империй позволило ученым сконцентрировать внимание на принципиальных и весьма актуальных проблемах современной историографии, причем во многих отношениях именно на тех, которые отражают новейшие тенденции в развитии мировой исторической науки.

Прежде всего, отметим междисциплинарный характер исследований. Анализ особенностей создания, функционирования и распада империй привлек не только «чистых» историков, но и специалистов в области экономики, права, социологии, философии, политики.

«Имперская» проблематика находится в русле повышенного внимания к так называемой «глобальной истории»: об этом свидетельствуют последние международные конгрессы историков, во многих странах созданы группы по изучению глобальной истории, ей посвящают журналы и встречи специалистов. В контексте анализа методических и теоретических основ глобальной истории немаловажное место принадлежит истории империй, которые служат подтверждением тенденции к объединению и взаимозависимости, к некой универсализации исторического развития на протяжении многовековой истории человечества. Даже анализ распада империй также иллюстрировал «всеобщность» процесса, связь и взаимозависимость различных направлений и особенностей мирового развития.

Изучение истории империй развивается также в русле современной компаративистики. Сейчас уже признано, что увидеть все многообразие человеческой истории невозможно без применения сравнительно-исторического метода, без сопоставления различных регионов и стран. И в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии.

На разных континентах империи создавались в различных исторических условиях. Примеры тому – классическая Римская империя, Британская империя, колониальные империи Франции, Испании и Германии; в иных условиях сформировались Российская, Османская и Австро-Венгерская империи.

Специалисты стремятся понять общую логику формирования империй, раскрыть ее зависимость от исторических условий. В поле зрения ученых оказались и вопросы «исторического времени»: какие-то империи сложились в течение нескольких лет, многим для этого потребовались десятилетия и даже столетия. В последнем случае действовали как факторы большей длительности и протяженности (*longue duree*), так и условия временные и весьма скоротечные.

В ходе многих дискуссий постоянно звучал вопрос о типологии империй, об их отличительных признаках. Опыт мировой истории показал, что одним из существенных признаков империй является их многонациональный характер. Некоторые специалисты, например, склонны говорить об американской, китайской или советской империях. В связи с этим

возникает вопрос: в чем же отличие многонациональных государственных образований от империй? Очевидно, что необходимо продолжение поиска дефиниций.

Общественное сознание весьма часто к признакам империй относит факторы господства и подчинения, насилия и подавления.

Довольно распространенный термин «имперское мышление», как правило, подразумевает стремление к гегемонии и превосходству, к подавлению других стран и народов.

Некоторые империи включали в себя территории, расположенные на разных континентах, в тысячах километрах от метрополий (Британия). Но было немало имперских образований, включавших территории, расположенные компактно (Австро-Венгрия, Россия). Эти различия усиливали споры об иных типологических признаках империй, нежели территориальные проблемы.

Современную историческую науку интересуют региональные вопросы, взаимоотношения центра и периферии. В ходе исследований выявилось, что эти вопросы – одни из ключевых в изучении империй. Мировая история дала нам большое число самых разнообразных форм взаимоотношения и взаимодействия центра и периферии, но историков интересовало, прежде всего, вопрос, как это взаимодействие или противостояние проявлялись в империях. Этот вопрос чрезвычайно актуален и в наше время, когда некоторые страны, и прежде всего, Россия, проходят стадию федерального строительства, в котором отношения центра и регионов занимают центральное место.

В более широком и методологическом плане стоит вопрос о взаимодействии центробежных и центростремительных тенденций в историческом развитии. С этой точки зрения история всех империй явилась классическим проявлением подобного взаимодействия на стадиях формирования, эволюции и распада.

История империй включает в себя и вопрос о национальных отношениях, ибо едва ли не главная проблема всякой империи – это проблема национальная, этническая, очень часто – конфессиональная. Мировой опыт дал нам многочисленные примеры противостояния, и даже столкновения, различных национальностей в рамках империй, но показал и возможность адаптации национальных образований, их взаимодействия и конструктивного сотрудничества.

Завершенность процесса, т. е. фактическое окончание имперской эпохи, позволяет проанализировать историческое развитие империй от начала до конца, на большом временном протяжении, что очень интересно для исследователей.

В этом контексте чрезвычайно важна тема краха империй, постимперского периода и имперского наследия. В комплекс проблем входят и сравнительно-исторический анализ распада империй в различных регионах, и взаимодействие внутренних и внешних факторов, определивших распад, его специфику и темпы.

Следует отметить, что относительно «советской империи» существуют разные точки зрения, и многие ученые не склонны видеть в Советском Союзе новый вариант имперского государственного образования. Во всяком случае, этот вопрос остается открытым для дискуссий.

Весьма интересен вопрос об «имперском менталитете», о том, как формировались среди политических элит и в массовом сознании имперские представления и стереотипы, о том, как долго они существуют, и каковы условия их преодоления. Здесь очень важно участие специалистов-психологов, которые анализируют вопросы массовой социальной и индивидуальной психологии. Конечно, для современной жизни весьма важны настроения политических элит и их способность преодолевать имперские стереотипы.

В контексте анализа форм государственного устройства на многих конференциях поднимался вопрос об авторитаризме, о тоталитарных формах правления, об империях «либерального типа» и т. п.

Пристальное внимание ученых России обращено на российскую историю, на особенности формирования и развития Российской империи, на ее место в мире и ее распад. В Москве и Петербурге, во многих региональных университетах и научных центрах оформились исследовательские центры и группы, исследующие историю Российской империи в сравнительно-историческом плане, в плане ее сопоставления с историей Великобритании, Австрии, Турции и других стран.

Особая тема связана с историей ряда стран Азии и особенно Африки. Исследователей при этом занимает постимперский период, особенности африканского развития в условиях существования десятков независимых государств, то, как африканские элиты освобождались от колониальных предрассудков, и то, как часто европоцентризм сменялся афроцентризмом. Весьма интересен и вопрос сохранения или разрыва связей государств Азии и Африки с бывшими метрополиями.

Многие из перечисленных тем стали предметом обсуждения и на конференции, материалы которой представлены в этой книге. Участие ученых из многих стран мира, в том числе авторов широко известных научных трудов, большой группы российских специалистов из регионов подтвердило представительный характер конференции и ее междисциплинарную направленность.

Среди практических вопросов на конференции обсуждался и вопрос о более масштабном включении истории империй в университетские курсы по истории, о необходимости подготовки специальных учебных пособий по этой проблематике и об освещении истории империй в учебниках по истории для средней школы.

Размах исследований, внимание к ним в разных странах, в научных центрах и университетах России дает нам основания говорить о многообещающих перспективах этого направления в развитии отечественной и мировой историографии, об организации новых научных встреч и о продолжении международного сотрудничества.

Александр Семенов

Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании»

Прошедшая 7–9 июня 2003 года в Москве конференция по сравнительному изучению империй, которая была организована российским представительством Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета, представляла собой необычное явление в академической жизни. Во-первых, это была серьезная и продуманная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. Подобная постановка проблемы (тема конференции напрямую не связана с российской историей, что является показательным) выгодно отличала эту конференцию от других мероприятий, которые по-прежнему следуют канону национальной истории с присущими ему эксклюзивностью исследовательского фокуса и игнорированием развития иных историографических традиций. В фокусе докладов и дискуссий данной конференции находились история Британской, Испанской, Германской (Kaiserreich), Габсбургской, Российской и Османской империй.

Во-вторых, серьезно поставленная проблема компаративистики обусловила необходимость приглашения специалистов по разным империям, что, в свою очередь, придало конференции широкий международный характер и сделало возможным возникновение диалога между разными академическими традициями. Необходимо особо подчеркнуть, что проблема межакадемического диалога предстала в двух аспектах. Один аспект связан с диалогом между представителями разных национальных традиций, изучающими одну и ту же проблематику (например, присутствие американских, японских и немецких историков-русистов наряду с российскими исследователями истории России или российских специалистов по истории Габсбургской империи наряду с исследователями из Австрии, Венгрии, Германии и т. д.). Второй аспект проблемы связан с диалогом между представителями традиций изучения разных регионов/империй. Последний аспект кажется весьма важным для будущего изучения империй (*imperial studies*), так как именно возможность выработки общих и соотнесенных с эмпирикой аналитических категорий (*middle range theories*) является залогом развития синтетических областей социального и гуманитарного знания (примером чему может быть теория национализма).

В-третьих, наряду с амбициозным географическим охватом конференция была посвящена широкому спектру концептуальных проблем. На отдельных секциях обсуждались: теория компаративного исследования империй, генезис империй, идеология империй, имперская экономическая система, история границ, окраин и воображаемой географии имперского пространства, элиты и система управления империй, право империй и недоминантные группы имперского общества, а также наследие империй. Иными словами, организаторы конференции не ограничивали тематику истории империй отдельными аспектами, но, вполне следуя видению тотальной истории историками-анналистами, рассматривали империи в совокупности политических, социально-экономических и культурных отношений. Единственным исключением стала внешняя политика и международные отношения. Однако, данное исключение было скорее оправданным, нежели произвольным, так как именно внешний экспансионистский аспект истории империй является наиболее изученным. Программу данной конференции определяло внимание к внутренней жизни имперских организмов, а проблемы внешней политики обсуждались там, где существовала связь между внешней политикой и внутренним положением. С точки зрения хронологии организаторы

конференции ограничились эпохой Нового времени, заканчивая свой анализ распадом континентальных империй в результате Первой мировой войны. Можно по-разному оценивать мотивы такого решения. С одной стороны, постановку верхнего временного предела обусловили практические соображения – объем работы и сложность обсуждаемых проблем и так были чрезвычайно велики для достижения эффективного хода конференции. С другой стороны, отсечение XX века позволяло обойти проблемы деколонизации, вопрос о том, являлся ли Советский Союз империей, многотомную полемику в рамках постколониальной теории, которые, безусловно, важны для эпистемологии имперских исследований, но с основанием заслуживают отдельного обсуждения. Надо отметить, что в этом решении обнаруживается определенная связь с тем, что в центре внимания оказалась именно внутренняя жизнь имперских организмов. Возможно начиная с классического труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи» («*The Decline and Fall of the Roman Empire*»), история империй писалась ретроспективно как история неуклонного шествия к распаду. На взгляд историков Нового и особенно Новейшего времени империя представлялась нелегитимным и, следовательно, нежизнеспособным социальным и политическим явлением. При этом исследователи часто игнорировали факт более длительного в истории человечества существования государства и общества в имперской фазе по сравнению с фазой национального государства. В этом смысле замена исследовательского вопроса «как они шли к упадку?» вопросом «как было возможно их существование?» представляется продуктивным, и с этой точки зрения хронологическое ограничение обсуждения периодом Нового времени приобретает дополнительный смысл.

Вступительный доклад А. Рибера был посвящен контекстуализации современного интереса к империи. По мнению Рибера, на сегодняшний день можно говорить о разрушении модели национального государства, обусловленном развитием процессов глобализации, созданием единой Европы, экспансией американской массовой культуры, проблемами в развитии созданных по европейской модели национальных государств в регионе третьего мира, а также мировыми миграционными процессами, радикально меняющими состав населения бывших метрополий западных колониальных империй. Отдельную актуальность изучению наследия империи придает распад СССР и развитие процессов нации-строительства в постсоветском пространстве. В своем докладе А. Рибер утверждал, что изучение современных наций и национальных государств не может происходить в отрыве от изучения империй, так как большинство современных наций либо были империями, либо развивались в имперском контексте.

Первая секция конференции была посвящена методологии сравнительных исследований имперских феноменов. Несмотря на название секции, докладчики отталкивались не от теории, а от частных исторических случаев, пытаясь очертить общие рамки исторического сравнения. Д. Ливен представил краткую выжимку из своей книги «*Empire: The Russian Empire and Its Rivals*». Следуя своему подходу, Ливен вновь вернулся к проблеме международных отношений и геополитики. В геополитике он видит важный аспект истории империй, так как империи в его понимании есть, прежде всего, государства, имеющие вес на международной арене и ведущие активную внешнюю политику. В рамках этого подхода Ливен ввел геополитическую категорию европейской периферии, где имперская экспансия оказалось возможной в силу недостаточного действия противовесов международного баланса сил. С помощью данной категории Ливен объясняет рождение континентальных империй на границах Европы и заморскую экспансию европейских держав. Таким образом, концепт европейской периферии становится общим контекстом для проведения сравнительных имперских исследований. С другой стороны, сравнивая стратегические задачи управления Британской и Российской империями, Ливен приходит к выводу, что здесь между ними не существовало

принципиальной разницы, так как обе они пытались справиться с проблемой территориальной протяженности и полиэтничности населения.

Испанской империи был посвящен единственный доклад на конференции – доклад Себастьяна Бальфура. Автор не проводил сравнительное исследование, однако его анализ зависимости формирования испанского национального государства от империи и проблемы относительной отсталости Испании по сравнению с развитыми странами Западной Европы позволил провести параллели с восточноевропейским опытом. Вывод Бальфура о том, что окончательная потеря Испанией своей империи в 1898 году привела к кризису государственности и росту сепаратистских движений внутри Испании, оказался продолжением мысли А. Рибера о глубокой связи процесса формирования национального государства с имперским опытом.

Доклад Филиппа Тера был посвящен парадигмам немецкой истории и явился попыткой творческого использования потенциала имперских исследований для анализа немецкой истории в контексте Центральной и Восточной Европы. Ф. Тер отметил парадоксальный континуитет между историографией до и после 1945 года, которая, несмотря на всю разницу в оценках немецкого исторического опыта, сохранила нациецентричную исследовательскую оптику. Вывод немецкой истории из контекста сравнения с Западными странами (Францией и Англией) и ее помещение в многонациональный и имперский контекст Центральной и Восточной Европы (с соответствующим учетом фактора национальных меньшинств в Германской империи и участия Германии в колониальных проектах) представляется, по мнению Тера, весьма продуктивным и позволит по-иному осмыслить особенности немецкого исторического развития в Новое время, в том числе и проблему нелиберального политического устройства.

Доклад Ильи Винковецкого был посвящен истории Российско-Американской кампании, которая, по его мнению, опровергает однозначное утверждение, что опыт Российской империи не походит к процессам образования западных колониальных и торговых империй.

В ходе дискуссии участники вернулись к тем общим вопросам компаративистики, которые, хотя и не были поставлены в докладах, но возникали при ознакомлении с докладами данной секции. А. Миллер подчеркнул, что, хотя выделение Российской, Габсбургской и Османской империй в отдельную группу для сравнительного анализа имеет смысл и давнюю традицию, необходимо выходить за эти традиционные рамки сравнений и полнее учитывать общий имперский фон. А. Рибер обратился к историографической классике сравнительной истории (М. Блоку) и отстаивал релевантность сравнительного исследования только в тех случаях, когда имело место соприкосновение или взаимное влияние сравниваемых обществ. В этом отношении анализ континентальных империй представляется А. Риберу более обоснованным, нежели сравнение опыта этих империй и колониального империализма. В том же духе высказался М. Ходарковский, указавший на то, что случай Аляски являлся скорее экзотическим, нежели типическим в общей модели построения Российской империи, так как доминантным фактором расширения империи в России являлись стратегические, а не коммерческие соображения.

Размышляя о контексте и форме исторического сравнения, Д. Ливен начал дискуссионную линию, которая была продолжена в ходе конференции. Ливен отметил, что сравнение империй как целостных феноменов невозможно, и аргументировал свою позицию, указав на характерное для всех империй разнообразие региональных и национальных укладов и неравномерность течения имперского «времени». По его мнению, необходимо сравнивать отдельные регионы или имперские случаи между собой. А. Миллер отметил важность того, что на этой секции был рассмотрен испанский случай, который не вписывается в классическую модель западных колониальных империй, но является весьма поучительным для исследователей Восточной Европы, которые сталкивались с проблемой относительной отстало-

сти. В связи с этим А. Миллер предложил категорию «империи Второго мира», которые сохраняли суверенитет, но не принадлежали к числу развитых стран Запада.

Вторая секция конференции была посвящена генезису и механизмам формирования империй. Сделанные М. Мейером, А. Каппелером и Г. Вальтер-Клингэнштайн доклады были построены по принципу сравнительно-ориентированного анализа отдельных случаев соответственно Османской, Российской и Габсбургской империй. При этом А. Каппелер попытался дать в своем докладе, помимо политического нарратива, обобщение действовавших в донациональном государстве механизмов общественной и политической интеграции. По мнению Каппелера, в зависимости от времени, уровня политического и общественного развития включаемого региона, степени обоснованности претензий Москвы и Петербурга на данную территорию, оказываемого сопротивления и международной ситуации механизмы форсирования Российской империи варьировались от введения косвенного правления и частичной интеграции элит до полной интеграции в политическую структуру империи. Таким образом, Российская империя складывалась как «составное государство», и в этом смысле ее можно сравнивать с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления. В этом пункте Каппелеру возражал Р. Уортман, который ратовал за выявление различий в идеологических основаниях и практиках континентальных империй. Уортман обратил внимание на то, что он назвал «парадоксом Каппелера», а именно на его тезис о наличии в основании легитимации Московской и Российской империй и византийского, и династически-древнерусского, и золотоордынского наследий, а также на то, что наследником степной исламской империи стало православное царство. Уортман аргументировал свои возражения тем, что все вышеперечисленные наследия были творчески переработаны российской монархией и перестали быть механически сосуществующими элементами. Более того, наличие династического древнерусского канона российской монархии отличает историю российского имперского центра от центров других империй. Ссылаясь на критиков модернистской теории национализма, и в частности на Э. Смита, Уортман видит в истории российской монархии сложение протонационального ядра, которое затем привело к возникновению династического национализма и претензиям на национальный характер Российской империи с соответствующим отрицанием многонационального характера имперского общества и государства. Это отличало развитие российской монархии как имперского института от Османской династии, которая так и не смогла трансформироваться из наднациональной в национальную, обрести свое «изобретенное» национальное ядро. Отталкиваясь от допущения исторической динамики в истории империи, Уортман указал на разницу между развитием Российской и Османской империй, которая заключалась в восприятии российской элитой европеизации и использовании европейских заимствований в модернизации империи. Ряд представителей турецкой историографии оспорили традиционный тезис об особенном характере Османской империи, связанным с исламом и невозможностью европеизации исламской культуры. Они указали на разные механизмы интеграции на западе и востоке империи и на влияние европейской культуры и идеологии на развитие Османской империи. А. Миллер, продолжая дискуссионную линию, начатую Д. Ливеном, предложил учитывать специфический характер различных регионов внутри империй (как в случае с западом и востоком Османской и Российской империй) и сравнивать отдельные региональные ситуации. Однако, Миллер также заметил, что для написания имперской истории исследователям недостаточно ограничиваться существующими категориями империи и региона, так как для анализа истории отдельных имперских окраин необходимо учитывать контекст межимперского соревнования и взаимного влияния. Поясняя свою точку зрения, Миллер обратил внимание участников на доклад Каппелера, который указал на то, что и Российская, и Османская империи являлись наследниками Золотой Орды, а потому находились в состоянии соревно-

вания за межимперское пограничье. Не беря в расчет историю этого соревнования и наличие больше чем одного центра притяжения и влияния, нельзя понять историю этого региона, который может быть описан как макросистема четырех континентальных империй. Империи Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов влияли друг на друга через идеологии (панславизм, панисламизм или пантюркизм, пангерманизм), через поддержку той или иной религиозной системы (православия, ислама, католицизма или протестантизма), через миграцию подданных и финансовую поддержку различных движений в соседних империях.

Состоявшийся затем круглый стол, посвященный опыту преподавания истории империи, стал продолжением начатой дискуссии по исследовательской тематике, что объясняется невозможностью разделить процесс исследования и преподавания в высшей школе. Интересным образом в представленных материалах обнаружилась тенденция к упрощенному использованию компаративной истории, иными словами, история империи представляется как нарратив, включающий в себя один случай, но для более глубокого понимания этого случая привлекается сравнительная перспектива. Так, представленные учебные материалы были в основном посвящены истории Российской империи.

Третья секция конференции была посвящена имперской идеологии. М. Яновский прочел доклад по Габсбургской империи, Р. Даскалов – по Османской империи. В совместном докладе С. Подболотова, М. Ясара и Н. Стоуна было сделано сравнение русского и турецкого национализмов в Российской и Османской империях. Докладчики сосредоточились на разных аспектах. М. Яновский размышлял о проблеме сохранения архаичных и основанных на аристократической культуре механизмов легитимации империи в XIX веке. Р. Даскалов представил общий обзор эволюции идеологии Османской империи от оттоманизма до исламизма и тюркизма, и воздействия этих идеологий на структуру Османской империи. Подболотов, Ясар и Стоун рассмотрели проблему появления современного национализма в империи. Доклады продемонстрировали разнообразие идеологической жизни империй и позволили поставить серию важных для понимания имперской истории проблем, которые вызвали оживленную дискуссию. Несмотря на то, что авторы докладов исследовали разные проблемы, их объединяло общее видение идеологии (воображения, политических доктрин) в функционалистском ключе как созданной и инструментализированной для конкретных политических целей политическими элитами. Критики данного взгляда соглашались, что подобное структуралистское видение идеологии действительно способствует проведению сравнительного анализа, но мало дает для понимания внутренних, подчас автономных культурных механизмов, с помощью которых выражаются или, скорее, оформляются политические отношения. В этой дискуссии со всей очевидностью проявилась главная проблема сравнительно-исторического исследования, а именно противоречие между структуралистским, историко-социологическим подходом (изучение основных социальных сил и их функций в политической системе империи) и подходом, ориентированным на изучение исторической семантики и контекста (например, историческое происхождение концепций имперской власти, которые были связаны с разными религиозными традициями). Так, С. Дерингиль указал на опасность следования исторически сложившимся стереотипам относительно Османской империи, которые создают непротиворечивый образ исламской империи. Вместе с тем, споря с докладом С. Подболотова, М. Ясара и Н. Стоуна, он отметил, что невозможно употреблять понятия «исламизм» и «панисламизм» в единственном числе в силу наличия в исламе разных традиций. Он подчеркнул, что, хотя понятия «Турция» и «турки» появились только в начале XX века и были следствием развития турецкого национализма, они наследовали исторической семантике предшествующего периода, и в них присутствовал элемент этнической идентификации. Другие сторонники данной точки зрения указывали, что сравнительное изучение идеологии континентальных империй действительно требует расширения компаративного контекста путем включения в него Европы, так как многие интеллекту-

альные течения (просвещение, романтизм, позитивизм) и образцы для подражания имели европейское происхождение. С другой стороны, А. Миллер выступил в защиту структурных параллелей, особенно в контексте изучения континентальных империй (противопоставленных в этом смысле колониальным западным империям). По его мнению, изучение имперских идеологий, которые создавались в ситуации реакции на многонациональную и «составную» структуру империи, позволяет выделить наиболее типические модели поддержания империи в эпоху пришествия национализма и модернизации. Так, во всех континентальных империях исследователи обнаруживают попытки имперского центра выстроить всеимперскую идентичность (яркий пример – оттоманизм), панидеологии (панславизм, панисламизм, пантюркизм), способные интегрировать часть населения империи и неизбежно выходящие за пределы имперских границ, а также современные национальные проекты, которые противопоставляли себя империи. Миллер отметил, что наличие смежных границ у описываемых континентальных империй принципиально отличает их от колониальных, заморских империй. Попытки этих империй использовать этническую или религиозную карту в борьбе с противниками сказывались не только на характере этого межимперского соревнования, но также и на внутреннем состоянии самих империй. В таком свете видно принципиальное различие между континентальными империями в этом регионе и западными колониальными империями, которые могли инициировать поддержку тех или иных конфессий или национальностей за пределами метрополии, не меняя баланса сил и отношений лояльности внутри метрополии.

Затем участники конференции обратились к обсуждению экономики империи на примерах Османской (доклад К. Чичека) и Российской империй (доклад Б. Ананьича и Е. Правильной). Подводя итоги дискуссии по этим докладам, А. Каменский отметил две общие проблемы, которые позволяют сравнивать экономики континентальных империй: во-первых, проблему доходности империи и сравнительной экономической отсталости, и, во-вторых, проблему подчиненности экономической политики стратегическим и политическим соображениям, которые были продиктованы задачей поддержания империи. Выделяя континентальные империи в отдельный блок для сравнительного исследования и противопоставляя их западным колониальным империям, Каменский указал на сходное положение Османской и Российской империй в их относительно малой доходности имперской экономики и подчиненности обслуживанию государственных приоритетов (управленческой машины, завоевательных и оборонительных войн). Вместе с тем, Каменский отметил существенные различия в эволюции экономического устройства двух этих империй: Российская империя пошла путем централизации экономического управления (в том числе государственного поддержания экономики) и использования европейских идей для обеспечения экономического роста, в то время как экономика Османской империи оказалась в большей степени децентрализованной и подвержена экономической эксплуатации со стороны западных держав. Вновь вопрос об экономическом развитии империй европейской периферии был поставлен в зависимость от политического развития этих империй, в частности, от их способности модернизироваться и отстаивать собственную независимость от влияния экономически более развитых западных стран.

Поднятый Е. Правильной вопрос о цене империи вызвал бурную дискуссию. М. Долбилов и А. Ремнев сочли данную постановку вопроса исторически неправомерной, так как для многих представителей имперской элиты поддержание империи было самоцелью и не связывалось с вопросом экономической целесообразности. А. Ремнев указал, что идеологи Российской империи всячески подчеркивали отсутствие экономической составляющей в имперской внешней политике и видели в этом выгодное отличие Российской империи от «торгашеских» империй. Отвечая оппонентам, Е. Правильная признала важность неэкономических соображений при формировании политики Российской империи, но также отметила,

что часть российской управленческой элиты была знакома с европейскими идеями рационализации (в том числе и экономической) имперского управления, и в этом смысле вопрос о цене империи нельзя игнорировать. Правилова также отметила, что вопрос о цене империи ставился русскими националистами, которые использовали его для утверждения своего тезиса об оскудении центра, т. е. был частью националистического дискурса.

В этой дискуссии вновь проявилась проблема сравнительного контекста для изучения исторического опыта континентальных империй. Хотя структурные экономические проблемы были общими для подобного типа империй, изучение отношения имперской элиты к вопросу экономической политики оказывается невозможным без учета европейского контекста, т. е. влияния европейских экономических идей о рационализации экономической жизни, в том числе и посредством государственного вмешательства.

Четвертая секция конференции была посвящена изучению окраин, пограничья и воображаемой географии центра и периферии. Однако, некоторые доклады имели теоретический характер и ставили общие проблемы интерпретации исторического опыта империй. Открыл секцию А. Рибер, который, в отличие от большинства, представил сравнительно-историческое исследование евразийского пограничья. Его доклад представил также важную альтернативу в подходе к изучению истории империи. История континентальных империй (в отличие от морских, которые оказались затронуты постколониальными исследованиями) по-прежнему описывается с точки зрения имперского центра. Этому способствует и характер доступного архивного материала, и тот факт, что исторически государство играло более влиятельную роль в жизни этих имперских обществ. С помощью концепции оспариваемого пограничья (многонациональной территории, на которую претендуют несколько империй) А. Рибер предложил возможность описания той исторической роли, которую периферия играла в истории империи, а также рабочую модель для проведения сравнительного анализа. По мнению Рибера, высказанному ранее в дискуссии, сравнительный анализ евразийских пограничных ситуаций может быть более продуктивным в силу структурной схожести этих ситуаций и их взаимного влияния друг на друга. Доклады А. Ремнева и А. Миллера были посвящены воображаемой географии как инструменту нациестроительства. Говоря о проблеме русского национализма в имперском контексте, они представляли две разные интерпретации этого феномена. Ремнев рассматривал русский национализм как проект, направленный на национализацию имперского пространства (в данном случае Сибири). Миллер же рассматривал тенденцию в развитии русского национализма, которая свидетельствовала о попытке вычленив из имперского пространства русское национальное ядро, не отказываясь при этом от сохранения империи. Дискуссия по этой проблеме вызвала реплики многих участников и показала невозможность разделения изучения империи (как определенной социальной, экономической и политической структуры) и динамики развития имперского общества и государства, которые сталкиваются с вызовом национализма. Доклад М. Ходарковского был посвящен анализу отношений между российским имперским центром и кочевыми обществами юго-восточной окраины. В этом докладе Ходарковский принципиально противопоставил свое видение Российской империи как системы колониального господства складывавшемуся мнению об особом континентальном характере российского имперского опыта, который более адекватно сравнивать не с колониальными империями, а с территориально протяженными империями Габсбургов и Османов (и других евразийских политий). По его мнению, исключение контекста колониальных империй может создать неправильную сравнительную перспективу и существенно обеднить исторически сложившиеся разнообразные отношения между имперским центром и периферией в российском случае. Ходарковский настаивал, что по отношению к кочевым народам в XVIII веке российский имперский центр воспринял роль колонизатора, что было связано с разницей в культурном развитии и процессом европеизации российской элиты. Остальные участники секции и слушатели

возражали, указывая, что сам Ходарковский упоминал в своем докладе пористость границ между «метрополией» и «колонией» в административном и культурном смыслах (что весьма нехарактерно для колониальной ситуации). Дискуссия по данной проблеме вновь показала необходимость учитывать влияние европейских идей на систему представлений об империи, даже если эти представления (в данном случае калькирующие европейскую идею культурного превосходства и цивилизаторской миссии) не всегда совпадали с практикой имперской интеграции и управления.

На секции, посвященной сравнению имперских элит и механизмов административного управления империями, был рассмотрен исторический опыт Российской (совместный доклад А. Каменского, М. Лавринович, Е. Марасиновой, а также доклад Е. Сергеева), Габсбургской (Х.-П. Хёе) и Османской (А. Сомель) империй. Доклады были посвящены структурному описанию механизмов формирования имперских элит и их функциям в системе управления империи. Хотя участники секции не проводили прямого сравнения с методами управления колониальными империями, в их докладах наиболее ярко проявилась специфика континентальных империй, которые, несмотря на использование методов непрямого управления (т. е. управления имперским пространством посредством местных элит с сохранением местного правового уклада), стремились интегрировать отдельные территории в единое государственное пространство. Представленная в докладах картина структурного сходства элит и механизмов имперского управления континентальными империями побудила Д. Ливена вернуться к вопросу о динамике развития империй в XVIII и XIX веках и заострить внимание на возникающих в ходе этого развития различиях. Ливен предложил воспользоваться работой социолога Ш. Айзенштадта, который в своей социологической теории империи различал патримониальные политии, основанные на контрактных (по феодальным стандартам) отношениях между элитами и центром, и бюрократические политии, для которых характерен высокий уровень централизации политической власти. В рамках данной типологии видны отличия Российской империи от Габсбургской, а в период развития бюрократического и фискального государства XVIII–XIX веков, основанного на союзе абсолютизма и землевладельческого дворянства, – отличия этих империй от Османской Порты. По мнению Ливена, необходимо отличать бюрократию модернизирующейся империи от традиционных элит. Необходимо также учитывать исторически сложившиеся культурные отличия, которые не позволяют сравнивать российскую аристократию (один из вариантов европейского феномена) с элитой Османской империи. Диахронный взгляд на развитие империй в эпоху модерна также позволяет по-новому сформулировать дилеммы, стоявшие перед Российской империей. С одной стороны, бюрократическая империя обладает более эффективным механизмом управления (доказательством чему служат успехи военной модернизации России и достижение ею статуса великой державы); с другой стороны, в силу его зависимости от языка доминантной этнической группы, этот механизм является менее репрезентативным для этнического и культурного разнообразия имперского общества.

Секция, посвященная праву и незлитным группам в империи, включала доклады К. Мацузато о мировых посредниках на Правобережной Украине, Дж. Бёрбэнк о местных судах и праве в последние десятилетия Российской империи, П. Верта и С. Дерингиля о религиозных обращениях и реконверсии в Российской и Османской империях соответственно. Относительно докладов по истории России между Дж. Бёрбэнк и М. Долбиловым развернулась интересная дискуссия, которая в определенной степени явилась продолжением аргументации Д. Ливена относительно проблемы управления империей с культурным и этническим многообразием. Анализируя отношения между общероссийской правовой системой и местными правовыми укладами, а также работу местных судов, Бёрбэнк обнаружила, что децентрализованная система гораздо лучше справлялась с задачей создания правовой культуры. Однако именно эта система была предметом критики юридических реформаторов, которые

исходили из того, что создание единого гражданства должно исходить из единых правовых норм. М. Долбилов указал, что парадоксальным образом разнородная система (в данном случае правовая) способна лучше справляться с задачей интеграции имперского пространства, хотя она при этом и не соответствует либеральным европейским нормам.

Секция о наследии империй вызвала живой интерес благодаря современной актуальности обсуждаемых проблем. Особый интерес вызвал доклад Я. Грицака, посвященный национальной идентификации в постсоветской Украине. Сравнение Западной и Восточной Украины показало, насколько важно учитывать исторический опыт нациестроительства в разных имперских контекстах, а также осветило наследие акультурации и модернизации советского общества, которое ставит перед постсоветскими государствами проблему интеграции гетерогенного в лингвистическом и культурном отношении населения. В. Кантор и А. Давидсон показали в своих докладах, что изучение империи как исторического феномена все еще сопровождается проекциями на этот феномен идеологических дискуссий, в рамках которых не существует возможности выделить историческую семантику имперского опыта и понять археологию империи за пределами доминантного национального дискурса.

Конференция ответила на многие вопросы о характере империи, о путях сравнительного изучения разнообразного имперского опыта, однако проведенные дискуссии поставили также новые вопросы, которые нуждаются в обсуждении. Исследования империй все еще происходят в рамках существующих канонов, среди которых редко встречаются собственно сравнительные исследования. Это связано как с проблемой диалога между различными академическими культурами, так и с проблемой многомерного имперского пространства, которое исключает возможность однозначного определения существа имперского общества и государства и одной сравнительной перспективы (о чем свидетельствует спор между сторонниками сравнения только континентальных империй и сторонниками включения европейского и колониального контекстов). Еще одна проблема сравнительного исторического анализа заключается в его тенденции к структурному описанию исторических явлений, что вызвало возражения сторонников включения диахронной перспективы и учета культурных особенностей и исторической семантики. Конференция не разрешила эти вопросы, но сам факт их постановки и спора между представителями различных историографических традиций позволяет надеяться на продолжение работы по сравнительной истории империй.

Сравнивая континентальные империи

Альфред Рибер

Сравнивая континентальные империи

Империи остаются все еще недостаточно исследованной областью знания в сопоставлении с их историческим и концептуальным соперником – национальным государством. Существует множество заслуживающих внимания теорий национализма и национального строительства, и в то же время – сравнительно мало теорий, объясняющих историю строительства и упадка империй и империализма. В минувшее десятилетие целый ряд событий способствовал возобновлению интереса к этим проблемам, и несколько проектов по изучению империй теперь успешно разрабатываются. С одной стороны, этот интерес возник под влиянием распада последней континентальной империи – Советского Союза, с другой – под влиянием упадка национального государства перед лицом вызова со стороны таких различных явлений в современной политике и экономике, как глобализм, регионализм или локальная история и конфедерализм. Нация, национальное государство и национализм, хотя и далеки от того, чтобы исчезнуть с исторической сцены, не могут теперь рассматриваться (как это был принято в XIX и XX столетиях) в качестве наивысшего достижения человечества в его стремлении к мобилизации ресурсов, установлению порядка, гражданского равноправия и чувства общей идентичности. Поскольку последняя империя исчезает, а ее наследники демонстрируют признаки энтропии, поучительно подвергнуть анализу наследие империй, ушедших в прошлое, и поразмышлять о будущих формах государственного устройства. Существуют как минимум два явления в истории империй, которые заслуживают внимательного изучения (если мы хотим извлечь из него уроки): их долговечность и их жизнеспособность. Изучение империй зависит от того, насколько велико число их разновидностей. Наряду с уникальностью, свойственной империям разного типа, можно говорить и о целом ряде присущих им общих черт. Следовательно, возможно, по крайней мере, определить стратегию, выстроить определенную модель или парадигму их изучения. Впрочем, настоящая статья не преследует столь далеко идущих целей. Она посвящена, прежде всего, актуальным и трудноразрешимым проблемам, часть которых в той или иной мере имеет отношение к общей стратегии изучения империй.

Уместно сделать одно предварительное замечание. При общем рассмотрении империй относительная точность их характеристик и взаимоотношений, естественно, зависит от изменения их облика во времени и пространстве¹. Империи – это государственные устройства, в которых одна этническая группа устанавливает и сохраняет контроль над другими этническими группами в границах определенной территории. Это воинственные государства. Их границы – военные, они расширяются или защищаются скорее силой оружия, нежели средствами естественного или культурного свойства (т. е. этнического, расового или религиозного). Власть сосредоточена в руках правителя, как светская, так и духовная, в разных пропорциях. Чтобы сделать свою власть легитимной и прочной, правитель или правительница опираются на имперскую культуру, которая сочетает в себе трансцендентную или мифическую концепцию правления с опорой на элиту по рождению или по заслугам, которая выполняет основные административные, финансовые, военные и правовые функции государства. Имперская культура, как система и как практика будет рассмотрена в настоящей статье. Система состоит из набора символов, институтов и пространственных связей, которые определяют власть правителя и правящей элиты. Практика представляет собой управ-

ление элементами системы, осуществляемое правителем и правящими элитами ради усиления своей власти и достижения поставленных целей. Однако, имперская культура не является собой нечто цельное и четко определенное. Она способна видоизменяться и часто выглядит противоречивой, далеко не единой и подверженной трансформациям². Отношения между правителем и правящей верхушкой обычно сводятся к решению двух проблем: является ли власть правителя абсолютной или ограниченной, а если ограниченной, то в какой степени, и обязана ли правящая верхушка своим положением происхождению или заслугам. На ранних стадиях развития империи легитимация правителя, как правило, была духовного или религиозного свойства. Основное изменение, происшедшее в империях в XX веке, состоит в том, что они, не отказываясь от мифотворчества, приобретают светский характер и опираются преимущественно на более неформальные, типичные для массовых обществ методы управления, такие как пропаганда или средства экономического воздействия. Даже самые предвзятые рабочие соображения наводят на мысль, что только с помощью сравнительного изучения империй можно попытаться ответить на глобальные вопросы о причинах столь длительного их существования, а также распада. Однако, сравнительный анализ на таком уровне обобщений невозможен в рамках статьи.

Условимся вначале о том, что именно мы будем сравнивать, т. е. какие империи и какие сюжеты в истории отдельных государств данного типа могут быть предметом для сравнений. Возможны, по крайней мере, четыре подхода к сравнительному изучению империй во времени и пространстве. Первый подход предполагает сравнение империй, являющихся современниками и соседями, таких как Османская, Габсбургов и Романовых. Второй предполагает сравнение империй-наследников, возникших в результате структурной и идеологической трансформации старого режима, например СССР и Китая, которые перешли от династической системы к коммунистической. При третьем подходе сравниваются «либеральные империи», где основная власть сосредоточена в руках представительного правительства только в метрополии, но не на территории колоний, например, французской, бельгийской, голландской, в разное время британской и американской. Наконец, четвертый подход – избирательный (часто эклектический), при котором сравниваются империи трех перечисленных выше типов. Каждый из этих подходов сопряжен с риском теоретических просчетов. Но автор настоящей статьи намерен следовать совету и примеру такого историка, как Марк Блок, избрав первый подход, который позволяет рассматривать империи, близкие друг к другу во времени и пространстве, с учетом их долговечности. Как утверждал Марк Блок, такая исследовательская стратегия дает возможность рассматривать эндогенные и экзогенные факторы³.

Однако, автор берет на себя смелость увеличить число объектов изучения с двух, как это делал Марк Блок, до пяти империй (называемых далее евразийскими), а именно: Габсбургов, Османской, Российской, Иранской и Китайской. Этот выбор продиктован тремя важными обстоятельствами. Все эти державы существовали на протяжении одного и того же времени – с XVI века до начала XX; в пространственном отношении у них была по крайней мере одна общая граница (у Российской империи с четырьмя остальными), и они периодически конфликтовали из-за контроля над приграничными районами, которые разделяли сферы их безусловного культурного влияния. Географическое положение континентальных, евразийских империй, в отличие от разбросанных владений «морских» империй, способствовало возникновению особых проблем безопасности и интеграции. В результате экспансий евразийская империя создавала кольцо смешанных этнотерриториальных образований вокруг этнически однородного – в большей или меньшей степени – государственного ядра. Для немецких Габсбургов это были чехи, словаки, венгры, сербы, словенцы и итальянцы; для турок-османов – арабы, курды, армяне, греки и южные славяне; для России – финны, поляки, украинцы, народы Прибалтики, Кавказа и Средней Азии; для персов (фарси) –

азербайджанцы, курды, туркмены и юго-западные племена; для Ханьского Китая – северные «варвары», включая чжурчженей (или маньчжур), монголов, уйгур, различные мусульманские народы северо-запада и племена Юньнани. Имперская периферия служила очагом постоянной нестабильности, причиной чему служила разница культур населявших ее племен, а в некоторых случаях, сама история их происхождения и формирования государственности – еще до того, как они были завоеваны. В отличие от стратегических пунктов в заморских территориях «морских» империй, периферийные районы империй континентальных, оказавшись в руках врагов или мятежников, представляли собой непосредственную угрозу для центра метрополии. Восстание в британских колониях в Северной Америке или во французских на Гаити могли повлечь за собой тяжелые людские потери, отразиться на престиже и финансовом положении метрополии, однако они не угрожали основам управления империей. Не влекли они за собой и иностранного вторжения в метрополию. Восстания же на периферии континентальных держав – в Польше, Венгрии, Сербии, Болгарии или Туркмении – приводили к смещению правительств, свержению династий или способствовали развалу империй.

Для евразийских континентальных империй проблема интеграции была связана с природой правительственных учреждений, с контролем или регулированием перемещения населения. Правительства их оказывались перед необходимостью выбора разумного соотношения между центральными и территориальными административными и правовыми учреждениями. Управление заморскими территориями могло быть (и почти всегда было) самостоятельным подразделением правительства со своими правилами, регламентом и бюрократической иерархией. Но в континентальных империях постоянно существовала опасность, что особый статус этнотерриториальных образований либо вызовет административную и правовую путаницу, либо будет способствовать росту сепаратистского движения. Выбор между религиозной ортодоксальностью и веротерпимостью принимал в континентальных империях особую остроту по целому ряду причин. Во-первых, в них было гораздо больше различных религиозных течений, чем в других государственных образованиях, где господствовала одна религия – христианство, ислам или анимизм (Индия была, разумеется, исключением). Во-вторых, религиозная идентичность часто переплеталась с национальной идеологией, после XVIII столетия это стало представлять серьезную угрозу целостности империй. Следовательно, политика официальной веротерпимости или насильственной ортодоксальности и принудительного обращения в зависимости от обстоятельств могла разжигать разного рода сектантские выступления: либо в форме борьбы одной религиозной группы против другой (погромы), либо в форме движения за национальную независимость (поляки-католики против православных русских или православные славяне против турок-мусульман).

Континентальные империи сталкивались также с необходимостью считаться с угрозой крупномасштабных народных движений, которые могли носить стихийный характер. В ранний период кочевой образ жизни играл важную роль в образовании и преобразовании империй. Его влияние постепенно теряло силу, но сохранялось еще очень долго, а в некоторых случаях до самого последнего времени. Завоевательные войны также вызывали демографические сдвиги, в частности, исход религиозных или этнических меньшинств после поражения их единоверцев. Наконец, восстания часто приводили к высылке жителей и обычно к насильственному переселению или заселению имперским правительством обезлюдивших краев⁴.

Последняя пространственная связь, которая дает основание для сравнительного анализа, – это продолжительное и сложное соперничество континентальных держав за контроль над обширными окраинными районами, которые отделяли центры метрополий одной империи от другой. Возвышение бюрократических империй означало закат степных коче-

вых государств и распад ранних королевств в Юго-Западной и Центральной Европе. Эти территории стали районами состязания мощных бюрократических империй ради захвата огромных земель с многочисленным населением и богатыми ресурсами. Империя Романовых в такой борьбе была лишь одной участницей среди прочих. Это одна из причин (хотя и не единственная), по которой так много внимания в европейской историографии уделено «экспансии» России как односторонней и неограниченной. Бесспорно то, что Российская империя к 1914 году стремилась достичь и достигала стратегического и экономического превосходства над своими континентальными соперниками от Балкан до Хингана.

Если рассматривать континентальные империи во временном пространстве, то следует иметь в виду, что они существовали и соперничали приблизительно в один и тот же исторический отрезок времени: с учетом особой хронологии событий можно разделить его на обычный период и эпоху революций. Обычный период в данном случае охватывает столетия от образования империй и появления влиятельных династий до их отречения, то есть приблизительно с XV–XVI веков до начала XX века. Если возникновение этих империй носило постепенный характер, то их падение удивительным образом произошло одновременно и одинаково бурно в революционную эпоху между 1906 и 1923 годами.

К эпохе революций может быть отнесено время, когда на евразийские империи обрушились французская буржуазная и английская индустриальная революции – «двойная революция», как окрестил это явление Эрик Хобсбаум⁵. Идея народовластия и новые технологии в производстве и управлении повлекли за собой, по крайней мере, три важных изменения во властных отношениях: между Западом и евразийскими империями, между центрами и периферией в последних и между соперничающими империями. Континентальные империи возникли до периода революций, и все они в значительной степени утратили свое могущество, а в конечном счете распались из-за невозможности приспособить свои политические институты и социально-экономические структуры к многочисленным, подрывавшим их основы последствиям «двойной революции». Но, говоря «в конечном счете», мы все-таки не забываем о приспособляемости, хотя и ограниченной, всех евразийских империй к новым условиям, которая обеспечила продление их существования более чем на столетие после упоминутой «двойной революции», преобразившей Запад.

Вслед за определением общих принципов сравнительного анализа остается установить, какие факторы способствовали могуществу империй, чтобы ответить на вопрос об их долголетию. Не отрицая важную роль насилия, чему уделено большое внимание в литературе, остановимся на других средствах сохранения имперской власти. Имперская идея, имперская бюрократия и защита границ могут быть выделены в качестве трех факторов, способствовавших сплочению, приспособляемости и обновлению евразийских империй.

Имперскую идею олицетворял образ правителя. Это легко понять, если принять во внимание три обстоятельства: концепции власти становились частью нравственных и (или) религиозных представлений, они были связаны с традициями и мифами, язык политики превращал их в видимые символы и написанные тексты. Во всех пяти евразийских империях концепция власти не была постоянной, а подвергалась изменениям, либо в зависимости от личных предпочтений правителей, либо под влиянием внутренних кризисов или внешней угрозы. Поддерживался искусный баланс между светскими и религиозными атрибутами правителя и между властью и церемониальными ритуалами. Кроме всего прочего, наблюдалась эволюция в направлении усиления светского начала, но были случаи возвращения к ранним религиозным мифам, особенно в конце существования Российской и Османской империй. Правители принимали и изменяли свои титулы, украшали и усложняли ритуалы и церемонии, которые устанавливали реальные и символические связи с правящей верхушкой и народными массами. Существовала большая разница в том, каким образом правители

демонстрировали подданным свою власть. Наиболее театральной формой было появление лидера на публике в роли главнокомандующего вооруженными силами, но хорошо организованные поездки или визиты за пределами столицы также служили сокращению дистанции между троном и местными жителями.

История имперской идеологии в евразийских империях может служить иллюстрацией к процессу, который я бы назвал кумулятивным синкретизмом: периодическое изобретение новых мифов о происхождении и миссии власти. Кроме Китая, который представляет собой исключение, культура евразийских империй имела общий источник – две великие традиции древнего мира: римско-византийскую и ахеменидо-сасанидскую. Ко времени Ренессанса Габсбурги, чтобы укрепить отношения между светской и духовной властями, использовали тщательно разработанную идеологию, сочетавшую в себе языческие и христианские мотивы. Они объединили мифическую родословную, содержащую языческие и древнееврейские элементы, с протестантско-эсхатологическими традициями и литературно-историческим дискурсом, который обеспечивали писатели и художники под контролем императорского двора. Австрийские Габсбурги унаследовали от короля Испании Филиппа II мифическую связь с византийскими императорами, с их квазисвященнической властью. Это было узаконено в церемониях евхаристических мираклей, введенных Рудольфом II, и в Ордене Золотого Руна⁶. Австрийские Габсбурги отказались от идеи всеобщей монархии, которая, после того как империя Карла V была разделена на Испанскую и Австрийскую части, выглядела весьма спорной. Но за Габсбургами сохранилась репутация защитников христиан от мусульманских турок, известная как «Австрийская восточная миссия». Австрийская модель строительства империи предусматривает одно отклонение от темы кумулятивного синкретизма. В отличие от других империй, она не была в большей своей части «завоеванным государством». Ее составные части были приобретены, в основном, в результате браков, а отношения между ними складывались чрезвычайно сложно и основывались на средневековых договорах и соглашениях. Эта проблема сформулирована Робертом Канном: «...на протяжении большей части времени между объединением Венгрии, Хорватии и Богемии с наследственными землями Габсбургов в 1526–1527 гг. и падением монархии в 1918 г. само представление о Габсбургской империи как о едином государственном организме серьезно оспаривалось»⁷. Если взглянуть с разных точек зрения на эволюцию образа имперского идеала в Габсбургской монархии, то она свидетельствует об исключительной гибкости правителей и их советников, следивших за изменениями культурной и интеллектуальной моды, которые увлекали социальную и политическую элиту Европы в XVIII и XIX веках. Десакрализация монархии повсюду в Европе, в связи с появлением образа рационально мыслящего, беспристрастного правителя – просвещенного деспота, создала совершенно новую, практичную систему правил поведения для абсолютной власти. Основная идея, заимствованная из германского естественного права, состояла в том, что благополучное и преуспевающее население служит самой прочной основой для процветающего и сильного государства. За послушание и лояльность государство готово на основе закона защищать материальные интересы граждан и обеспечивать их религиозные права, проводя политику веротерпимости. В мире до наступления эпохи национализма монархия могла поддерживать две связанные между собой идеи, которые впоследствии должны были способствовать ее разложению. Первая идея – внимание правительства к использованию родного языка (в Германии общего языка для всей империи) и разных местных наречий для образовательных целей, с предположением, что национальный язык – это ключ к культуре. Вторая идея – двойное понимание гражданства, что дало толчок широкому распространению по всей империи местного патриотизма (Landespatriotismus) и создало условия, при которых он

опирался на понятие «нация» в смысле этнолингвистических групп и религии⁸. Однако под влиянием, в конечном счете, Французской революции единство этих двух идей рухнуло.

Французские революционные войны, распад Священной Римской империи и коронация первого «австрийского императора» в 1801 году обозначили окончательный, наметившийся с середины XVIII века, переход от культурных традиций, возникших под влиянием Франции, Испании и Италии, к торжеству германской придворной культуры. После 1848 года монархи, напуганные революцией, занялись безнадежными поисками законов о своей власти и своей миссии. Конституционные эксперименты готовились один за другим с поразительной поспешностью.

В отличие от Габсбургов, российские правители до начала XX века решительно выступали против конституционных экспериментов. В то же время российский «сценарий власти» в царствования Александра III и Николая II подвергся существенным изменениям, связанным с отказом от светского и космополитического образа империи в пользу более ограниченного национально-религиозного⁹.

Это означает, что, когда во время революции 1905 года удалось вынудить монархию создать представительное учреждение – Государственную думу, увеличилась идеологическая пропасть между властью и подвластными. Неудивительно, что Николай II настаивал на том, чтобы «Основные законы», согласно которым были созданы новые представительные учреждения, не ограничивали его самодержавную власть, в то время как некоторые из его советников и многие представители населения думали иначе. Неудивительно также, что имперская чета – Николай и Александра – все глубже погружались в религиозный мистицизм, что в дальнейшем привело их к отчуждению как от официальной церкви, так и от западной элиты¹⁰.

Несмотря на совершенно иное происхождение, Османы, как и русские правители, тоже обращались к ранним традициям, создавая свой образ и укрепляя свою власть. Они сталкивались с теми же проблемами, устанавливая определенные и устойчивые соотношения между земным и духовным началами в своем образе и своей миссии. После завоевания Константинополя османские правители, выходцы из вождей кочевых исламских племен, приняли синкретическую концепцию правления, которая включала в себя некоторые элементы из традиций персидских падишахов и ритуалы византийского императорского двора¹¹. Они назначали мусульманских богословов (улемов) отправлять правосудие, сводя до минимума вероятность конфликтов между представителями светской и духовной властей. Правители Османской империи приняли светский титул султана, впервые принесенный в Анатолию кочевниками турками-сельджуками в XI веке. Захватив власть, правители Османской империи объявили себя властителями на основании божественного права и наместниками Бога. Но официально они не переместили халифат – местонахождение высших духовных представителей ислама – из Каира в Константинополь. Это способствовало сохранению двусмысленных отношений между светскими и религиозными началами в исламском мире. Решение османских султанов использовать титул халифа без официального его принятия свидетельствует о том, что они, подобно российским императорам после Петра I, чувствовали выгоду в сохранении двойственного отношения к своим религиозным обязательствам. Ни царь, ни султан не собирались ставить свои династические и политические интересы в зависимость от взрывов религиозных страстей, и в то же время они сохраняли свое право защищать единоверцев в тех случаях и в то время, когда считали это необходимым.

Российские и османские имперские идеи расширения владений за пределы защиты своих единоверцев – ойкумена и халифат – сошлись на короткое время в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 года. Султан использовал непонимание западными дипломатами сущности халифата, чтобы укрепить свой статус в Европе. В соглашении он был

назван «имамом верующих и халифом тех, кто исповедует божественное единство», во французской версии это выглядело как «le Souverain calife de la religion mahometane». Подобным же образом соглашение подтверждало право российского царя защищать православное население Османской империи и делать представления султану относительно их благополучия. Эти положения были сформулированы достаточно неопределенно, что позволяло толковать их по-разному. Русские довольно скоро отвергли политические претензии на признание турецких интересов в Российской империи. Турки также выступили против широкого толкования российской стороной ее права выступать в защиту православного населения Османской империи. Претензии Российской и Османской империй на распространение экстерриториального религиозного влияния способствовали дальнейшему обострению продолжительного соперничества между ними за пределами их границ.

Еще одно возможное сравнение, связанное с эволюцией власти в России, – это замеченное возрождение духовных элементов в культуре Османской империи в поздний ее период. Как и Николай II, султан Абдул-Хамид II стремился возродить и поставить под свой контроль духовные элементы, возвратившись к традициям своих династических предков раннего Османского периода, т. е. до Махмуда II. Это обращение к прошлому российского и турецкого властителей было реакцией на идеи конституционных реформ с целью уравнивания в правах всех граждан империи.

По мере того, как евразийские империи приближались к «периоду революций», они столкнулись с требованиями народовластия, участием масс в политике и секуляризацией системы управления. Одним из ответов на эти вызовы была попытка с помощью бюрократических реформ «сверху» реагировать на симптомы, но не на глубинные причины недовольства и несогласия. Другой, еще менее удачный ответ чиновников и лояльных интеллектуалов, – это изобретение ультранационалистической идеологии, которая должна была способствовать подъему националистической мобилизации в многонациональных империях Габсбургов, Османов и Романовых. Пангерманизм, панславизм и панисламизм (или пантюркизм) не были официально одобрены ни одним из правителей трех империй, но они пользовались большей или меньшей степенью влияния в правящих кругах и порою становились решающим фактором в определении политики. Были попытки представить одно или несколько этих движений как протонационалистические¹². Хотя здесь и есть известный резон, важно определить принципиальные различия между ними с учетом их расовых и религиозных составляющих. Пангерманизм, как утверждает Георг Риттер фон Шонерер, носил преимущественно расовый и антисемитский характер. Он был малопривлекателен даже для населения Габсбургской монархии, говорившего на немецком языке, и его влияние возросло лишь после ее распада, а расцвет наступил в период национал-социализма¹³. Панславизм (или, по крайней мере, его русский вариант) объединял в себе религиозное (православие) и расовое (превосходство великороссов) начала. Никогда официально не одобряемые императорским правительством, его сторонники в разное время имели сильное влияние на внешнюю политику правительства, в частности в 1877 году и после 1910 года. Из трех названных течений панисламизм имел самое сильное религиозное содержание и был более других признаваем правителями, особенно султаном Абдул-Хамидом II, который возродил идеи халифата в конституции 1876 года (конституция была отменена и восстановлена только в 1908 году)¹⁴. Пантюркизм и панисламизм были соперниками в Османской империи в основном из-за того, что в первом подчеркивались светское и расовое начала. Но в Российской империи эти начала были умело синтезированы Исмаилом Гаспринским¹⁵. Однако, ни одна из этих ультранациональных идей не захватила массы простых жителей. Причины достаточно понятны: эти идеи не могли соперничать с эмоциональными и психологическими особенностями национализма; для имперской элиты они представляли потен-

циально скорее разрушающую, нежели объединяющую, идеологию в условиях поликультурных обществ и таили в себе опасность вовлечения империй во внешнеполитические конфликты.

Даже краткий сравнительный обзор культур имперских элит свидетельствует об их относительно высоком уровне динамизма и гибкости. Традиции и мифы часто изобретались или по-новому интерпретировались, чтобы соответствовать новым условиям или нуждам того или иного правителя. Новые версии усваивались правящей элитой и остальной частью общества посредством новых ритуалов, церемоний и исторических повествований. В процессе строительства империи бывали периоды, когда правящие круги демонстрировали готовность проявлять терпимость по отношению к религиям или идеологиям за пределами основной культуры. Все евразийские империи в то или иное время были восприимчивы к внешним культурным влияниям задолго до французской и промышленной революций. Даже встречаясь с потенциально деструктивными влияниями двойной революции, часть правящих элит и отдельные правители предпринимали попытки органично включить новые институты или течения мысли в господствующую культуру. Обсуждение этих реформистских импульсов целесообразно провести в следующем разделе настоящей статьи.

Имперские культуры, нашедшие отражение в ритуалах и церемониях, выполняли важную функцию, символизируя власть и славу правителя. По большей части, однако, немедленный видимый эффект ощущался только самой правящей элитой, представителями иностранных государств, в меньшей степени населением основных городов империи. Общая проблема для всех империй состояла в том, чтобы сделать доступными символы власти для неграмотных крестьян, живущих, по большей части, на значительном удалении от крупных городов. Для превращения символов власти в реальные институты, делающие возможной мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимы были административные структуры, распространявшие свое влияние на города и деревни. Затраты на оборону державы и на содержание двора быстро опережали способность земельной аристократии как выполнять служебные обязанности, так и получать денежные доходы. Имперская бюрократия развивалась, чтобы выполнять двойную функцию: во-первых, зримо представлять империю, нося униформу или отличительную одежду, демонстрируя знаки власти; и, во-вторых, собирать налоги, поставлять рекрутов для армии и осуществлять правосудие. Макс Вебер сформулировал это так: «Решающей причиной для укрепления бюрократической организации всегда было ее чисто техническое превосходство над любой другой формой организации»¹⁶.

Однако, представление о том, что эффективность бюрократии лучше всего обеспечивается эффективной централизацией, было подвергнуто сомнению недавними исследованиями. Опираясь на Чарльза Тилли, согласно которому государственное строительство в Европе было в такой же степени результатом сложных взаимоотношений между центральными властями и местным населением, как и принуждения, историки изучали различные способы, какими административные структуры неевропейских империй развивались по сходным, но не идентичным путям. Тилли подчеркивал диалектическую связь между принуждением и капиталом, т. е. властью централизованного государства и уравнивающей ее силой коммерческих интересов – двух главных игроков в состязании за извлечение ресурсов на ведение войны¹⁷. Реинтерпретаторы взглядов Тилли подчеркивали важность отношений центральной и местных элит или, что более плодотворно, центральной власти и пограничных районов¹⁸. И в том, и в другом случае основным принципом в их отношениях, следуя опять-таки Тилли, является процесс «торга»¹⁹. Другими словами, центральное правительство, безотносительно к тому, насколько велика сила его принуждения, вынуж-

дено было вырабатывать соглашения с местными элитами или пограничными провинциями, чтобы получать от своего населения налоги и рекрутов, необходимых для защиты территориальной целостности империи или приобретения новых ресурсов за счет расширения ее пределов. Хотя армии служили главным элементом принуждения в евразийских империях, они не могли быть достаточной гарантией стабильности и безопасности. Как утверждает старинная китайская пословица, «сидя в седле, можно завоевать империи, но не управлять ими».

Османская бюрократия зиждилась на прочном союзе султанской административной элиты и улемов-суннитов. Помимо этого, взаимоотношения строились на основе синтеза государственного права (кануна), имевшего отношение к финансовому правосудию, и моральных норм шариата, применяемых провинциальными судами. В ранний период Османской империи бюрократия осознала, что желательно приспособить свою финансовую политику и свой взгляд на определение земельной собственности, на которой базировалась финансовая система, с особенностями отдельных провинций, прежде всего тех, которые находились в районе уязвимых границ. В то же время, они часто предоставляли провинциальным судьям широкие полномочия в интерпретации закона²⁰. Это имело место, по крайней мере, в тех областях на востоке и на юге, где преобладали мусульмане. Таким образом, успех Османского правительства зависел от способности функционировать на центральном и местном уровнях, сочетая как аккумулирующие, так и перераспределяющие функции. Улемы-сунниты, у которых, в отличие от шиитов Ирана, при поддержке султана не было никаких связанных с доктриной проблем, выполняли важную роль: обеспечивали перераспределение административных функций и распространяли их по всей системе. Это отражало не столько разделение власти между центром и периферией, сколько равновесие между моральным миром шариата и финансовыми потребностями государства²¹. Симбиоз властей и улемов разрушился в XIX веке, когда военный и экономический вызов, брошенный западными державами, привел к возрождению чрезвычайно централизованной бюрократической системы. В конце XVIII века дипломаты и судебные должностные лица Османской империи стремились прервать череду военных поражений и территориальных потерь за счет прекращения разделения властных полномочий и восстановления централизованной власти султана. Их попытки осуществить реформы, хотя и находились в рамках традиционных представлений исламского государства (кануна), встретили сопротивление улемов, янычар и провинциальной знати (аянов). Борьба завершилась рядом столкновений в период правления Селима III (1789–1802) и Махмуда II (1808–1839), когда власть янычар и аянов была уничтожена, и статус государственных чиновников изменился: они стали не «рабами» султана, а слугами государства. Многие из новых бюрократов обучались в образовательных центрах, созданных в XVIII веке для дипломатов. Таким образом, сформировался новый бюрократический слой, и быстро появилась уверенная в себе, даже самонадеянная, элита, состоящая из высоких должностных лиц, которая получила от султана политические полномочия для преобразования административной структуры империи по западным образцам. Танзимат, или реформы (1839–1877), в значительной степени характеризовался созданием элиты, рекрутировавшейся из ограниченного числа семейств, имевших наследственные притязания на высокие должности. Многие из них были христианами. Находясь под влиянием западного образа мысли, они стремились создать такую конституционную систему, в которой устранялась бы любая религиозная и этническая дискриминация, а честное и эффективное правительство объединяло бы христиан и мусульман в единое Османское целое (Osmanlilik). Их высшим достижением была конституция 1876 года, которая впервые декларировала право христиан избираться в представительные органы власти. Этот триумф бюрократической реформы с энтузиазмом приветствовали евреи, армяне и греки, но не славяне. Султан неза-

медлительно выступил против конституции, приостановив ее действие на сорок лет, и устранил главных реформаторов, таких как Мидхат-паша²².

В оппозиции к реформам оказался не только султан. Соппротивление зрело и в среде мелких чиновников, которых не затронули перемещения внутри элиты, и в среде улемов, которые были недовольны потерей своего влияния, и в армии, которая также была ущемлена новыми бюрократами²³. Лидеры оппозиции, «новые османы», попытались соединить исламский принцип *bai'a*, т. е. обязательство правителя консультироваться с сообществом, с западными конституционными принципами. Они критиковали бюрократов-реформаторов за то, что те отказались от исламских принципов, не сумев в то же время гарантировать гражданские права, за то, что позволили иностранцам проникнуть во все сферы жизни Османской империи и контролировать ее экономику. Для них конституция 1876 года, введенная бюрократами-реформаторами, была недостаточной, хотя, казалось, воплотила много элементов их идей²⁴.

Раскол внутри бюрократии между теми, кто осуществлял Танзимат, и «новыми османами», поддержанными армией и улемами, серьезно ослабил импульс преобразований, а также облегчил султану Абдул-Хамиду II победу над всеми соперничающими группировками внутри политической элиты и реставрацию самодержавного режима. Новый султан не был против модернизации государства. Но его реформы средней школы и высшего светского образования вошли в противоречие с осуществлявшимся им возрождением исламских принципов и халифата.

В России, как в Китае и в Иране, попытки примирить имперскую идеологию, основанную на традиционной морали или религии, и светское образование, предназначенное для формирования нового слоя эффективно действующей бюрократии, вызвали появление радикально настроенного студенчества, которое способствовало осуществлению всех революционных изменений.

Господствующая немецкая бюрократия монархии Габсбургов в наибольшей степени соответствовала веберовскому идеальному типу. Однако она также испытала ряд исторических перемен, которые внесли изменения во взаимоотношения с другими корпоративными организациями в обществе, а также с правителем. Можно выделить четыре главных периода в развитии немецкой бюрократии. Она сформировалась в XVII веке в ответ на угрозу целостности монархии со стороны турок-османов и протестантов. Став третьим столпом империи вместе с католической церковью и армией, бюрократия легко вписалась в причудливую иерархическую модель правительства, в котором особое значение придавалось согласованности действий, служебному положению, соблюдению формальности межличностных отношений, покорности власти и театральности публичных церемоний. Другая традиция, связанная с просвещенными (камералистскими) реформами Марии Терезии и Иосифа II, привела к быстрому и реальному улучшению жизни крепостных, способствовала складыванию мифа вождя (*Fuhrermythos*), почти религиозной вере крестьянства в верховную власть, представляемую императором. Государственная деятельность стала местом службы и прибежища писателей, поэтов и ученых, служивших делу прогрессивной, рационалистической реформы вплоть до отказа от нее вследствие Великой Французской революции. Однако, бюрократия продолжала выполнять свои административные обязанности надлежащим, надежным и честным образом, помогая созданию верхушки среднего класса, «второго общества», близкого, но не идентичного дворянству, которое сохраняло свое представительство на самом высоком правительственном уровне. Бюрократия все больше становилась профессиональной и способствовала торжеству закона в управлении (*Rechtsstaat*)²⁵. С другой стороны, сильное неприятие императором Францем I Просвещения и Великой Французской революции вело к тому, что Джон Бойер назвал «почти шизоидным состоянием» бюрократии. Кон-

цепция бюрократии Франца, рассматривавшего ее как инструмент социального управления и поддержания стабильности, выхолащивала идеалы Иосифа II, связанные с социальной модернизацией и камерализмом²⁶.

После 1848 года социальная конфигурация бюрократии верхнего уровня существенно изменилась. Антон фон Шмерлинг, глава правительства молодого императора Франца Иосифа, назначил представителей среднего класса на место дискредитированной революционными событиями знати, позиции которой значительно пошатнулись. После 1867 года они раньше, чем где-нибудь в Европе, стали играть решающую роль в создании государства всеобщего благоденствия. Бюрократия вследствие конституционных экспериментов 1850-х и 1860-х годов стала одним из элементов в новой трехчленной административной структуре, включавшей политически влиятельную систему местных и региональных корпоративных организаций, в которой нашла убежище знать, и Немецкую либеральную партию, которая отстаивала политические права личности²⁷. Реформы образования позволили большому количеству лиц не немецкого происхождения, особенно чехам и другим славянам, занять чиновничьи должности²⁸. В последние десятилетия монархии бюрократия почти постоянно вела переговоры с корпоративными организациями для преодоления тупиковой ситуации в парламенте, вызванной конфликтом. После 1897 года все чаще осуществлялись министерские назначения из представителей самых высоких сфер государственной службы. Бюрократия сохранила, и в некоторых случаях даже усилила, контроль над решением множества внутренних административных вопросов: от регулирования торговли и промышленности, санитарии и начального школьного образования до уголовного судопроизводства. Политические партии вступили во взаимовыгодный контакт с бюрократией в надежде, что смогут использовать мощное административное государство в собственных интересах²⁹. В то же время бюрократия все больше политизировалась и радикализировалась: в 1960-1870-е годы под воздействием Либеральной партии, а затем, в 1880-1890-е годы, – антисемитской Христианско-социальной партии. Это крайнее выражение приспособления бюрократии создало больше новых проблем, нежели разрешило старых³⁰.

Сотрудничество между массовыми партиями и бюрократией продолжилось после крушения империи, когда государства-преемники объединили сильную централизованную бюрократию с избранным парламентом, который, в отличие от отвергнутой имперской модели, контролировался доминирующей этнической группой страны и не имел посредника в лице императора. Роль российской бюрократии в обеспечении стабильности и долговечности империи в сравнительном аспекте является более сложной. Петр I заложил основы современной российской бюрократии введением Табели о рангах. Однако, эта новация, подобно многим другим, не означала радикального разрыва с прошлым. Среди важных элементов, свидетельствующих о непрерывной связи с предыдущим столетием, можно назвать значение выслуги наряду с происхождением, выплату жалованья вместо наделения землей, сближение лиц низкого и высокого происхождения и значительное присутствие интеллектуальной элиты в правительственных учреждениях³¹. Реформы Петра ввели единообразное ранжирование и четкие условия карьерного роста элиты, которые далеко не сразу (только постепенно) заменили родовые и семейные принципы продвижения по службе. Представители знати продолжали занимать высшие должности даже в XIX веке. В то же время военная карьера, в противоположность гражданской, являлась более престижной и до середины XIX века была лучшей гарантией быстрого продвижения по административной лестнице.

Основные изменения в петровской бюрократической системе произошли в период между 1801 и 1848 годами в результате введения министерского правления и возросшего значения официального образования при подготовке будущих государственных служащих. Это привело, в свою очередь, к увеличению разницы между профессиональными бюро-

кратами, все более отделяемыми от земельной собственности, и поместным дворянством; к росту профессиональной специализации и разделению военной и гражданской службы³². Преобразования в ходе Великих реформ вызвали появление министерских групп интересов, которые преследовали определенные цели, не зависевшие от личности и срока пребывания в должности того или иного министра³³. В пределах собственного поля деятельности эти группы интересов были способны осуществлять важные изменения в социальной и экономической жизни империи; они являлись архитекторами Великих реформ.

Но царь Александр II был слишком привержен идее единоличной власти, чтобы позволить сформировать согласованно действующее правительство (т. е. состоящее из единодушно мыслящих реформаторов) даже находящееся под его собственным руководством. Вместо этого Александр II предпочел роль «лавирующего царя», посредника между конфликтующими группами интересов и министрами. Этой стратегии придерживались и его преемники. В результате управляемый бюрократией процесс реформирования осуществлялся непоследовательно, противоречиво и зачастую неэффективно. Повседневное поддержание порядка в провинции, успех которого всегда зависел больше от переговоров, чем от репрессивных мер, затрудняло снижение патриархальной власти губернаторов, личных представителей царя³⁴.

К концу столетия в среде министерской бюрократии сочетались два противоречивых процесса. С одной стороны, произошло важное изменение в составе бюрократической элиты. Ядро ее состояло преимущественно из русских, которым было вверено распространение русского языка и культуры во всех имперских окраинах, «превращения, насколько это возможно, всех подданных в нечто, напоминающее российскую нацию»³⁵. С другой стороны, появилось новое поколение просвещенных бюрократов-реформаторов, которые не имели прямого отношения к первому поколению, воспитанному в царствование Николая I, но задумывались о завершении дела Великих реформ. Они были причастны к индустриальному развитию 90-х годов XIX века и осуществлению столыпинских реформ³⁶.

Западная историография двух последних десятилетий расходится во мнении относительно эффективности деятельности российской бюрократии. Одни историки подчеркивают ярко выраженный высокий уровень ее образования, рост профессионализации и стремление к соблюдению законности, хотя и признают, что перемены протекали по-разному в различных министерствах, в центре и провинции³⁷. Другие исследователи указывают на неизменность покровительственных отношений, отсутствие единообразия в бюрократической системе и провал попыток создания подлинно правовых норм (*Rechtsstaat*)³⁸. Обе стороны сходятся в том, что глубокие разногласия разделяют бюрократию на отдельные группировки. По общему мнению, в царствование Николая II бюрократия, с одной стороны, становилась все более изолированной от общества, с другой – отдаленной от личности царя.

Николай II сменил роль самодержца, стоящего над схваткой и разрешавшего бюрократические конфликты, на роль царя-управителя, который одобряет единый политический курс³⁹. Особая сила бюрократии обернулась, в конечном счете, ее фатальной слабостью. Она не только обеспечивала империю группой хорошо обученных и прилежных государственных служащих, но и являлась средой, в которой выдвигались и обсуждались противоречивые политические точки зрения. После создания Государственной думы и усиления враждебности царя по отношению к любому (проявлявшемуся в кулуарах Думы или внутри имперских канцелярий) признаку оппозиции его жестким политическим взглядам бюрократия утратила свою основную функцию связующего звена между самодержцем и народом.

Ответы имперской бюрократии на внешние угрозы и внутренние кризисы демонстрируют ошибку, которую допускает большинство сторонников теорий упадка империй. Дол-

гая история евразийских империй знает периоды кризиса и подъема, которые сменялись не циклически, а, скорее, в ответ на определенные вызовы имперской системе. Хотя функции и процедуры бюрократии были рутинными, в веберовском понимании, государственные служащие получали такое же образование, как и интеллектуалы, литераторы и религиозные мыслители. Через него они воспринимали этику древних концепций царствования, Корана, конфуцианских сборников, христианского богословия или светского гуманизма в форме Просвещения. За исключением монархии Габсбургов, реформы «сверху» посредством бюрократии предшествовали западному влиянию и имели корни в собственной культуре империй. Вызов имперской бюрократии, брошенный западными идеями, был гораздо более серьезным. Он порождал проблему: как оправдать изменение, которое, казалось, подрывало культуру? Хотя внутри имперской бюрократии делались многочисленные попытки разрешить это противоречие, ни одна из них не увенчалась успехом. Было значительно проще абсорбировать, приспособливаться или приходить к соглашению с агрессивными степными культурами, имевшими сравнительно мало долговременных институтов, нежели инкорпорировать сложные культуры Запада.

Способность империй управлять своими границами являлась третьим фактором их долговечности. Термин «управление» предпочтительней термина «защита», потому что этот процесс не ограничивался только созданием укрепленных границ. Использовалось множество методов: от торговли и дани до репрессий против населения и традиционных укрепленных линий. За долгую историю были выработаны самые разнообразные средства отношений между империями и степью, с одной стороны, и между самими конкурирующими империями – с другой. В данном разделе сделана попытка осуществить общую типологию евразийских границ, проанализировать их характеристики, определить зоны напряженных конфликтов, которые можно назвать сложными границами, и обрисовать роль границ в формировании государственных учреждений и идеологии.

Границы евразийских империй представляют несколько разновидностей трех главных типов: западноевропейская государственная граница, исламская граница и «динамическая» граница⁴⁰. Границы монархии Габсбургов и Российской империи, подобно их символу – двуглавному орлу, делились на два главных направления, что стало причиной существования двух видов пограничного устройства. Их границы с европейскими государствами отличают общие с западноевропейским подтипом характеристики, устойчивые и четко определенные международной системой соглашений. Но на юго-востоке империя Габсбургов в течение столетий граничила с исламским миром, что было причиной военных и культурных столкновений, в то время, как русские имели подвижную, «динамическую» границу, где оседлое сельскохозяйственное население продвигалось навстречу кочевой культуре. Османская и Иранская империи относятся к исламскому типу, как в отношениях друг с другом (сунниты против шиитов), так и в отношениях с неисламским миром – по крайней мере до XVIII века, когда они были насильственно вовлечены в определение границ с Габсбургской и Российской империями по принципам западноевропейской государственной системы. Китай относится к «динамическому» типу. Его многовековое взаимодействие с кочевым миром завершилось в Новое время с продвижением его оседлого сельскохозяйственного населения на пастбища и установлением границы западноевропейского типа с Россией. Таким образом, история имперских границ довольно сложна: они менялись в ответ не только на внешние войны, но также и на изменения экологических условий и миграции населения. Это еще одно доказательство гибкости имперских структур, которые были способны справляться с большим разнообразием пограничных условий, осуществлять расширение, сужение и культурную трансформацию государственных границ.

Несмотря на наличие разных типов границ, евразийские империи имели общие экологические и культурные особенности, которые сформировались в процессе создания империй в начале Нового времени и продолжали развиваться до их распада или политической трансформации в начале XX века. Их можно сгруппировать следующим образом: 1) спорные пограничные зоны между поликультурными империями и территориями с культурно однородным ядром, окруженным разнородной периферией; 2) местности, населенные оседлым, полукочевым и кочевым населением и смешанными этнолингвистическими и религиозными группами; 3) непрерывное пограничное взаимодействие: от торговли и дани до контрабанды, набегов и войн; 4) высокий уровень перемещения населения, включая миграцию, колонизацию и депортацию; 5) сомнительная лояльность со стороны народов пограничных зон к их суверенным повелителям, соединенная сильными культурными и, часто, политическими связями с их религиозными или этноязыковыми сородичами по другую сторону границы; 6) непоследовательная пограничная политика со стороны центральной имперской администрации, колеблющаяся от нападения до защиты, от заключения соглашений до репрессий с целью обеспечения безопасности и стабильности в пограничных зонах.

Вдоль евроазиатских границ имелось пять «горячих точек», или сложных пограничных зон, где три или более имперские державы соперничали друг с другом за влияние или прямой контроль. Их географическое местоположение, в общих чертах, определялось следующим образом: Западные Балканы, где основными соперниками в течение более, чем трех столетий, были Габсбургская империя, Венецианская республика и Османская империя; Причерноморская степь, где Речь Посполитая, Россия и Османская империя конкурировали в начале Нового времени, оставив наследство, которое обременяло их преемников в первой половине XX века; Кавказский узел, где Османская, Иранская и Российская империи сталкивались в XVIII–XIX веках; Внутренняя Азия, где соперничали Джунгарское ханство, Российская и Китайская империи и их преемники; Дальневосточный регион, который в конце XIX – середине XX века привлекал русских, китайцев и японцев. Соперничество влекло множество перемен, особенно с вмешательством запоздавших: англичан, в ключевых пунктах по южному периметру российских границ, и активизацией подключившихся к переделу территорий империй (Германии и Японии) – в конце XIX–XX веке.

В дополнение к военному и дипломатическому соперничеству государств, эти пограничные зоны были ареной периодически возникавших конфликтов среди местного населения. Вследствие этого, а также в ответ на изменение границ, смешение этноязыковых и религиозных традиций и потребности элементарного выживания в этих зонах среди местного населения возник специфический тип пограничной культуры. Например, на Западных Балканах основным пограничным населением были ускоки, в Причерноморской степи – казаки, которые играли подобную роль и на Кавказе наряду с некоторыми северокавказскими племенами, а на Дальнем Востоке – монгольские и маньчжурские «знаменосцы».

Эти сложные пограничные общества характеризовались высоким уровнем перекрестного культурного взаимодействия и заимствования, а также сомнительной политической лояльностью⁴¹. Периодически интенсивность, продолжительность и участники (как имперские государства, так и местные народы) конфликтов менялись. Но все же они сохраняли взрывоопасный потенциал на протяжении всего XX столетия, а в некоторых случаях – до настоящего времени.

Современная литература показывает, что управление границами в империях не было однолинейным процессом. Имперские правительства должны были лавировать, модифицировать политику или даже уходить восвояси, столкнувшись с сопротивлением местных народов. Отношения между имперским центром и пограничными областями в равной степени часто принимали форму как переговоров, так и диктата. Воздействие состояния границ

на социальные, культурные, а также политические отношения и решения имперского центра только теперь начинает изучаться систематически.

Османская империя граничила с множеством разных соседей, которые по своему разнообразию могут быть сопоставимы только с российским пограничьем. Обе страны сталкивались с соперничающими империями в трех сложных зонах. Обе граничили с несколькими цивилизациями, представлявшими различные ветви христианской и мусульманской веры. Корни Османской империи, как и многих иранских династий, сформировались в пограничной среде, в данном случае между империями Сельджуков и Византийской в XIV веке. Тюркские племена, которые переместились в эту область из Центральной Азии, объединили две воинских традиции – кочевую и исламскую. Первая была нацелена на набеги, миграцию и территориальную экспансию по принципу «бери богатство соседа». Вторая традиция, усвоенная их ранними лидерами, пробуждала в воинах духовное рвение и давала идеологическое обоснование завоеваниям, а также закладывала основы устойчивых культурных и политических учреждений. В Османской пограничной политике, как и в Иране, две эти традиции породили проблемы, ставшие очевидными, когда расширение империи замедлилось, а затем фактически прекратилось⁴².

После 1699 года, когда Карловицкий мир завершил долгую войну с Габсбургами, Османская пограничная политика изменилась. Состоялся переход от прежней экспансии, освященной джихадом, к оборонительной стратегии, элементами которой стало строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и четко установленные границы. Для стабильности империи последствия этого были неоднозначными. Отход от традиционного отношения к власти привел к вспышке выступлений ремесленников, солдат и улемов, например, к восстанию 1703 года, в результате которого султан на короткое время был изгнан из Стамбула. В течение XVIII века местные элиты на периферии империи все чаще бросали вызов назначенцам из центра, правителям и их слугам. Эти, находящиеся на стадии становления провинциальные аристократии, наряду со старыми племенными элитами, контролировали процесс рекрутирования ополчения, которому правительство стало все больше доверять защиту границ. Ополчение комплектовалось не из тюрков, а из мусульманских меньшинств: курдов, татар, грузин, черкесов и албанцев из приграничных зон, где их также стремились привлечь на службу Российской и, в меньшей степени, Габсбургской империи. Ценой ставки на ополчение стали снижение дисциплины, рост грабежей на границе, частые мятежи вооруженных людей⁴³.

Изменяющаяся демографическая и общественная структура турецкого и христианского населения Балкан еще более ослабила контроль Порты над регионом. После XVI века центральное правительство было больше не способно прибегать к традиционной политике *surgun* (принудительной высылке турок из Анатолии в пограничные области), игравшей столь важную роль в тюркизации Юго-Восточной Европы. Например, ни один турок не был поселен на Венгерской равнине, опустошенной после продолжительных войн начала XVII века. В силу репродуктивных особенностей мусульманского и христианского населения, первые непрерывно уступали территорию вторым. Христианское население развивало различные формы самосохранения вроде семейной общины (задруги) и других социально-экономических объединений, которые обеспечили его эластичной структурой. В XIX веке христиане составляли главный оплот мощных восстаний и национально-освободительного движения под предводительством светски ориентированных интеллектуалов⁴⁴.

Более спокойной была ситуация на исламских границах Османской империи. Она добилась большего эффекта, чем ее иранский соперник, при установлении контроля над племенами. В конце XIV – начале XV века Османская империя использовала в Восточной Анатолии славянскую пехоту и артиллерию для подавления ряда восстаний турецких коче-

вых племен, возглавленных суфиями – противниками централизованного государства. С тех пор большинство племен концентрировалось на расстоянии от центра власти – в Северной Аравийской пустыне, Верхнем Египте и южных областях Северной Африки.

Во время Танзимата, реформ середины XIX века, Османское правительство поэтапно включало новые области в систему управления. Сначала была активизирована деятельность государственной бюрократии на местном уровне, стали строить школы и больницы. Объектом земельной переписи и норм закона стала не община, а индивидуальное хозяйство. Наконец, поощрялся переход от неэффективного хозяйствования и бартерной экономики к рыночным методам ведения сельского хозяйства. Реформы были с большей готовностью восприняты на арабской периферии, нежели на Балканах⁴⁵.

На Южном Кавказе пограничная политика Порты была всегда более успешной вдоль побережья Черного моря, чем в горной местности Армении и Курдистана. Черкесы и грузины под контролем турок принимали участие в морской торговле, а также поставляли высоко ценившихся рабов в армию и гаремы султана. Но как только османы попытались установить контроль над иранцами, проживающими в горной местности, они встретили мощное партизанское сопротивление со стороны горских племен, подобное тому, которое замедлило продвижение русских в XIX и XX столетиях⁴⁶.

Управление границами в Российской империи сталкивалось с проблемами, которые были подобны, если не идентичны, тем, которые стояли перед турками. Главное отличие управления российскими границами от управления рубежами других евразийских империй заключалось в том, что роль государства и народа была двоякой: экспансия организованная, систематическая и спонтанная; центру было трудно ею управлять. Среди проблем, общих с Портой, двумя наиболее сложными являлись: многообразие культур и народов, окружающих страны этнотерриториального ядра (русского и турецкого), и легкость проникновения в пограничные зоны. Импульсами к активному расширению границ России были потребность в увеличении ее сырьевой базы и отток населения, либо уклонявшегося от выполнения государственных обязанностей и требований закона, либо стремившегося к дополнительным экономическим возможностям и повышению благосостояния. Государство пыталось поставить под контроль устья главных рек, составлявших внутренние транспортные артерии, – Западной Двины, Днепра и Волги. Оно также обеспечивало или поддерживало расширение границ на юг и восток для установления контроля над плодородной землей и источниками дохода, получаемого от мехов, рыбы, соли, металлов, особенно угля и золота. К востоку и югу русские столкнулись с большим разнообразием племенных сообществ, находившихся на разных стадиях развития: от сибирских охотников и собирателей до пастухов-кочевников (ногаев и калмыков) и полукочевых народов (крымских татар). На западе границы России примыкали к европейским государствам.

В XVIII веке граница Российской империи была плохо определена, нарушалась и легко пересекалась даже там, где государство создало укрепленные линии. Большие расстояния, отсутствие четких естественных или «национальных» (этноязыковых) демаркационных линий, редкая населенность и культурные пристрастия кочевников и полукочевников – все это было причиной крупных перемещений через границы. В начальный период, вплоть до XVIII века, с российской стороны эти миграции принимали форму бегства крепостных и религиозных сектантов, передвижения лихих людей, ватаг рыбаков или охотников, контрабандистов. С другой стороны, главным образом из степи, границу пересекали пастухи со своими стадами и разбойники для захвата рабов или грабежа.

Как только российское продвижение достигло спорных областей, в некоторых пунктах началось сложное трехстороннее пограничное соперничество, например, в Причерноморской степи – с Османской империей и Речью Посполитой, на Южном Кавказе – с Османской и Иранской империями, во Внутренней Азии – с Джунгарским ханством и Китайской

империей (а позже на Дальнем Востоке – с Китайской и Японской империями). Обитатели пограничных зон между соперничающими империями были полиэтничны и склонны к тому, что Оуэн Латтимор называл «тенденцией к сомнительной лояльности», т. е. переходили на сторону победителей в кризисные моменты. Возможность крупномасштабных войн, вытекающая из этих столкновений, была поводом для серьезного беспокойства имперских элит.

Учитывая большие и постоянные проблемы, связанные с проницаемыми полиэтничными границами, имперские элиты вырабатывали множество стратегий (правда, не всегда последовательных или скоординированных, но все же способствовавших продлению жизни империи). Автор одного из последних исследований даже утверждает, будто долговечность империи может проистекать из самого недостатка системы управления периферией и использования различных методов правления применительно к местным условиям.

Майкл Ходарковский под другим углом зрения доказывает, что пограничная политика России была «продуманным процессом с изменяющимися мотивами и соображениями, но последовательным в целях ее расширения и колонизации новых областей и народов». Его анализ многообразия стратегий, используемых против племенных кочевых степных сообществ, может быть в общих чертах сведен к семи пунктам, 1) «Разделяй и властвуй», или китайский вариант натравливания варваров против варваров, включая сочетание выселения с целью оказания давления и прием под покровительство каких-либо групп в ущерб другим. 2) Создание патрональных отношений, как в случае с донскими казаками, казахами и ханствами Средней Азии путем подписания соглашений или принятия присяги на верность, что допускало двойственные толкования, открывавшие возможность манипуляций со стороны Москвы, 3) Использование казаков как передовой пограничной силы. Однако, в этом заключался определенный риск, в силу сомнительности их лояльности. 4) Активная поддержка колонизационной политики по двум направлениям: сначала строительство фортов и укрепленных линий, а затем колонизация и превращение пастбищ в пахотные земли. 5) Обращение в христианство, которое проводилось по-разному: от применения крайнего насилия в период Елизаветы Петровны до осуществления политики терпимости при Екатерине II. 6) Использование крещеных и русифицированных пограничных администраторов из числа местной элиты. 7) Административная и юридическая инкорпорация пограничных земель в имперскую систему, что сопровождалось изменением представлений о «других», отражающим интеллектуальные веяния времени.

По мере того, как Российская империя постепенно развивалась от пограничного общества к поликультурному государству с установленными границами и имперскими окраинами, на периферии ее политика также менялась. В XIX – начале XX века усилия правительства все более сосредотачивались на седьмом пункте, т. е. ассимиляции окраин. Основным инструментом этой политики была русификация. Но она никогда не осуществлялась систематически и последовательно и часто приводила к противоречивым результатам. На Кавказе и в Центральной Азии, например, русский язык вызывал неодобрение, как явление культурного империализма, но в то же время признавался как средство передачи западных идей, отрицавших идеологию и учреждения авторитарной империи. Кроме того, политика русификации скорее вызывала сопротивление, чем приводила к согласию. В большинстве случаев, как, например, в Финляндии и Армении, она отпугивала некоторых самых верных сторонников имперской идеи на окраинах⁴⁷. Неудивительно, что именно на окраинах разворачивались наиболее массовые, сильные и открытые политические выступления революции 1905 года⁴⁸. Однако, даже после Февральской революции 1917 года почти все окраины (главным исключением была Польша) все еще желали получить автономию в пределах объединенного, поликультурного, но не имперского государства.

В течение трех столетий военная граница (*Militärgrenze*) Габсбургов с Османской империей обеспечивала решение двойной задачи: гибкое реагирование на угрозу вторжения

турок и обеспечение государства надежными отрядами для управления хорватской и венгерской окраинами. Появление укрепленной границы восходит ко времени разрушительной Пятнадцатилетней войны (1593–1606), которая привела к сокращению населения и сильному упадку торговли и сельского хозяйства вдоль австрийско-турецкой границы.

Согнанные со своих мест крестьяне и городские ремесленники отказывались от мирных занятий, многие перебирались из турецкого приграничья в австрийское. Они становились разбойниками, как известные ускоки, гайдуки (беглецы и бандиты), или вооруженными пограничниками, которые время от времени вербовались Габсбургами в качестве бесплатных солдат и наделялись земельными участками, отрезанными от дворянских владений. Созданная императором Фердинандом укрепленная пограничная зона финансировалась и снабжалась австрийской администрацией в Граце и была полностью независима от власти феодалов Хорватии и Венгрии.

Во время длительных австро-турецких войн Габсбурги периодически осуществляли политику колонизации обезлюдивших областей вдоль границ Венгерского королевства с православными славянами. После окончания Пятнадцатилетней войны турецкие набеги продолжали опустошать Венгрию, при этом, по некоторым оценкам, в Турцию ежегодно угонялось до 10 тысяч человек, а число гайдуков увеличилось до 100 тысяч⁴⁹. Это привело к перемещению 300 тысяч сербских и хорватских поселенцев в область Банат и Нижнезадунайские земли. В конце XVII века последовала вторая волна поселенцев из 30 тысяч сербов, большинство которых было записано центральной администрацией Австрии в пограничную стражу. О значимости населения приграничья для монархии Габсбургов свидетельствует политика религиозной терпимости Вены по отношению к православным в XVI–XVII веках, в то время как в других местах осуществлялось активное содействие контрреформации и объединению церквей под властью Рима.

В XVIII веке приграничье продолжало служить источником обученных бесплатных вооруженных отрядов, лояльно настроенных по отношению к династии. К 1770 году оно растянулось более чем на тысячу миль, от Адриатики до Карпат, и было заселено немецкими, сербскими, валашскими и чешскими военными колонистами, вооруженными и экипированными Веней. Иосиф II проявлял крайнюю заинтересованность в благосостоянии колонистов, хотя его камералистская политика не привела к решению основной дилеммы, стоящей перед всеми военными поселенцами: останутся ли они ополчением на самообеспечение, эффективным только в качестве легких отрядов, или преобразуются в регулярную армию, поддерживаемую за государственный счет. Однако, Вена рассчитывала на граничар при подавлении внутренних выступлений, вроде освободительного движения, руководимого Ракоци в Венгрии, и при участии во внешних войнах. В ответ династия продолжала, хотя и не всегда последовательно, защищать колонистов от обращения в католическую веру и противодействовала стремлению хорватского и венгерского дворянства покончить с экстерриториальными правами поселенцев. Хотя боевая эффективность военных колонистов снизилась в период наполеоновских войн, они были единственными боеспособными отрядами империи, способными подавить выступления в Италии и Венгрии в первой половине XIX века⁵⁰.

Управление укрепленной границей в империи Габсбургов, однако, столкнулось с противоречиями, которые углубились, как только вдоль границы Порты вспыхнули националистические восстания; и особенно тогда, когда в середине XVIII века православная церковь военных колонистов оказалась под давлением ультра-католической политики Марии Терезии. Ситуация улучшилась при Иосифе II, но затем быстро ухудшилась при его преемниках. Это произошло, когда первые сербские выступления на территориях соседней Османской империи вызвали симпатии их этнических и религиозных собратьев по другую сторону границы. В сербские полки граничар все больше проникали националистические

идеи. Несмотря на усилия Габсбургов закрыть границу, число дезертиров возрастало. Точно так же и румынские полки в Банате и Трансильвании были недовольны религиозной дискриминацией: восстание вспыхнуло в 1764 году, а в 1784 году произошло другое. Двойственное отношение военных поселенцев к имперским властям вызывало большое беспокойство в Вене. После подавления революций чешские и румынские полки были расформированы. Опасение, что южнославянские части могут поддержать националистические восстания, а также давление со стороны окрепшего в 1867 году Венгерского королевства привели Франца Иосифа к решению ликвидировать военную границу в 1871 году.

На протяжении существования евразийских империй их правящие элиты использовали имперскую идеологию, бюрократию и политику в отношении границ и окраин для стабилизации и укрепления власти. В течение веков эти инструменты управления наглядно доказывали свою гибкость в ответ на внутренние и внешние угрозы. Изображать их историю в Новое время в терминах неуклонного упадка означало бы пренебречь значением преобразовательного импульса, который периодически оживлял имперские идеи и учреждения. Все же к концу XIX – началу XX века империи одновременно пережили еще один кризисный период, который на сей раз оказался для них фатальным. Глубокие структурные ошибки проявились в условиях сокрушительного воздействия Первой мировой войны, разрушившей монархию Габсбургов, Османскую и Российскую империи и косвенно повлиявшей на конец Каджарской династии в Иране. В этом процессе выдающуюся роль сыграли национальные движения. Однако, внутренние факторы функционирования империй не должны предаваться забвению или пренебрежению.

Парадокс существования евразийских империй заключается в том, что их гибкость и приспособляемость, которые помогают объяснить их долговечность, приводили к отсутствию единства и противоречиям, способствовавшим их развалу. Правящие элиты, которые поддерживали имперскую культуру, формировали имперскую бюрократию и защищали имперские границы, пали жертвой той политики, которая столь долго помогала им удерживаться у власти. Все евразийские империи стремились отвечать на экономическое и политическое давление западных, заморских империй. Их правители экспериментировали с конституционным правлением, хотя не всегда охотно. Их бюрократия стремилась утвердить западные нормы в главных государственных и общественных учреждениях. И все они стремились заключать новые отношения между имперским центром и окраинами. Но эти усилия заканчивались расколом внутри правящих элит и, часто, отдалением правителей от традиционно лояльных и надежных сторонников без удовлетворения интересов становившихся в политическом отношении все более сознательной массой населения. Было бы большим упрощением характеризовать это размежевание как расхождение между традиционалистами и модернизаторами или вестернизаторами и коренными жителями. Картина была более сложной, и это затрудняло преодоление раскола. Мало того, что имперские элиты преследовали противоречивые цели, они приводили к непредвиденным последствиям.

Континентальные евразийские империи с географически прилегающими к ним территориями окраин не могли, подобно заморским империям, устанавливать различные формы правления для метрополии и колониальной периферии. Введение подлинно конституционного правления в одной части евразийских империй требовало бы его введения и в остальных регионах государства. На примерах империи Габсбургов после 1867 года, Османской после 1878 года, Российской после 1905 года, Иранской после 1908 года и Китайской после 1911 года видно, что, как только это было сделано, обнаружилось значительное противоречие между «абсолютной» властью правителей и конституционной властью представительного правления, между унитарным характером государства и требованием большей этнотерриториальной автономии на окраинах. Все же опыт показывал, что имелась повсеместная

опасность: автономия увеличила бы экономическое проникновение более развитых иностранных государств и ослабила бы политический контроль центра (метрополии) над уязвимыми окраинами.

Осуществляя реформы, имперские бюрократы создавали разнообразные местные и имперские учреждения, которые затем требовали больше власти, будучи не в состоянии обеспечить последовательное и согласованное руководство. Вместо этого представительные учреждения фиксировали религиозное и этническое разнообразие в пределах поликультурных империй. Тем временем возрастающая десакрализация правителя угрожала лишить государство основной объединяющей силы, не предоставляя жизнеспособной замены. Попытки превратить империю в «мононациональную», расширяя культурную гегемонию доминирующей этнической группы или разыгрывая антиинородческую карту, могли привести только к дальнейшему провоцированию внутренних разногласий. Кроме того, западный стиль и светское образование, которые были необходимы для служебного персонала новых институтов, привели к увеличению, как это было во всех евразийских империях, числа дипломированных специалистов, перспектива жизни которых не соответствовала ожиданиям и ценностям, привитых обучением. В то время, как некоторые из дипломированных специалистов шли на правительственную службу, другие вовлекались в пучину революционной активности. К первому десятилетию XX века период революций наступил, наконец, и в евразийских империях, которым пришлось идти в ногу со временем.

Примечания

В этой статье внимание сосредоточено на Османской, Габсбургской и Российской империях. Расширенный вариант текста, где рассматриваются также Китайская и Иранская империи, см.: *Рибер А.* Изучая империи // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Т. 6 (124). С. 86–131 (*примеч. ред.*).

1 Для того чтобы получить общее представление об империи, полезно обратиться к книге: *Muldoon J.* Empire and Order: The Concept of Empire, 800–1800. N.Y., 1999: а также: *Barfield Th.* The Imperial

State Formation along the Chinese-Nomad Frontier // *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / Ed. by S.E. Alcock et al. Cambridge, 2001. P. 28–33.

2 *Sewell W.H.Jr.* The Concepts of Culture // *Beyond the Cultural Turn* / Ed. by V.E. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, 1999. P. 51–55.

3 *Bloch M.* A Contribution towards a Comparative History of European Societies // *Land and Work In Medieval Europe: Selected Papers*. Berkeley, 1967. P. 44–81.

4 Более подробный анализ этого вопроса см.: *Rieber A.J.* Repressive Population Transfers In Central, Eastern and South-Eastern Europe: A Historical Overview // *Forced Migration In Central and Eastern Europe, 1939–1950* / Ed. by A. Rieber. London, 2000. P. 1–27.

5 *Hobsbawm E.* The Age of Revolution: Europe, 1789–1848. London, 1960.

6 *Tanner M.* The Last Descendant of Aeneas: The Habsburgs and the Mythic Image of the Emperor. New Haven, 1993.

7 *Kann R.A.* The Dynasty and the Imperial Idea // *Dynasty, Politics and Culture: Selected Essays* / Ed. by R.A. Kann. Boulder, 1991.

8 *Evans R.J.W.* Joseph II and Nationality: The Habsburg Lands // *Enlightened Absolutism. Reform and Reformers In Later Eighteenth Century Europe* / Ed. by H.M. Scott. London, 1990. P. 210–218.

9 *Wortman R.* The Scenarios of Power: Myth and Ceremony In Russian Monarchy. Princeton, 2000. Vol. II. P. 235–236.

1 °См.: *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате Старого режима // Реформы или революция? Россия, 1861–1917: Материалы Международного colloквиума историков. СПб., 1992. С. 1–42.

11 *Inalcik H.* Comments on «Sultanism»: Max Weber's Typification of the Ottoman Polity // Princeton Papers on Near Eastern Studies. Princeton, 1992. P. 49–72.

12 См., например: *Keddie N.* Pan-Islam as Proto-Nationalism // The Journal of Modern History. 1969. March. № 1. P. 17–28.

13 *Whiteside A.* The Socialism of Fools: Georg Ritter von Schönerer and Austrian Pan-Germanism. Berkeley, 1975.

14 *Landau J.M.* The Politics of Pan-Islam. Ideology and organization. Oxford, 1988; *Mardin S.* The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study In the Modernization of Turkish Political Ideas. Princeton, 1962.

15 *Bennigsen A.I.* Panturkism and Panislamism In History and Today // Central Asian Survey. 1985. P. 39–68; *Landau J.M.* Op. cit.

16 *Weber M.* Economy and Society / Ed. by G. Roth, Cl. Wittich. Berkeley, 1978. P. 973. Вебер продолжает: «...по мере того, как современная культура становится все более сложной и специализированной, обеспечивающий ее аппарат во все большей степени нуждается в беспристрастном и строго специализированном эксперте вместо „лорда“ из старых социальных структур, который руководствовался личными симпатиями, чувствами благодарности и благосклонности» (Ibid. P. 975). Разумеется, полностью замена «лорда» экспертом в имперских структурах была невозможна, и между ними продолжало сохраняться напряженное соперничество.

17 *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States AD 1990–1992. L., 1992.

18 *Salzman A.* An Ancient regime Revisited: «Privatization» and Political Economy. In the Eighteenth Century Ottoman Empire // Politics and Society. 1993. № 4. P. 393–423.

19 *Tilly Ch.* Op. cit. P. 99–103.

20 *Khoury D.R.* Administrative Practice between Religious Law (Shari'a) and State Law (Kanun) on the Eastern Frontiers of the Ottoman Empires // Journal of Early Modern History. 2001. P. 305–320.

21 *Togan Isenbike.* Ottoman History by Inner Asian Norms // New approaches to State and peasant In Ottoman History / Ed. by H. Berkta, S. Faroqui. 1992. P. 185–210.

22 *Davidson R.* Reform In the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, 1963. P. 43–45, 92–98, 115–120, 362–390, 407.

23 *Mardin S.* Op. cit. Особенно гл. 4.

24 *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. L., 1961. Особенно гл. 5.

25 *Heindl W.* Gehorsame Rebellen: Bürokratie und Beamte In Österreich, 1780 bis 1848. Vienna, 1991.

26 *Boyer J.* Political Radicalism In Late Imperial Vienna. Chicago, 1981. P. 4–5.

27 *Boyer J.* Freud, Marriage and Late Viennese Liberalism:

A Commentary from 1905 // Journal of Modern History. 1978. March. № 2. P. 72–74.

28 *Boyer J.* Political Radicalism... P. 278–280.

29 *Cohen G.B.* Neither Absolutism nor Anarchy. New Narratives on Society and government In Imperial Austria, 1848–1918. West Lafayette (Ind.), 1996. P. 108–126.

30 *Boyer J.* Political Radicalism... P. 293–294, 304–305, 349–352, 415–416.

31 *Plavsic B.* Seventeenth Century Chanceries and Their Staffs // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian History from the Seventeenth to the Twentieth Century / Ed. by W.M. Pinter, D.K. Rowney. Chapel Hill, 1980. P. 19–45.

32 *Pinter W.M.* The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // *Ibid.* P. 190–226; *Lincoln B.* In the Vanguard of Reform: Russian's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. De Kalb (111.), 1982.

33 *Рубер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России, 1856–1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой и др. М., 1992 С. 44–72.

34 *Robbins R.G.Jr.* The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors In the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987. Особенно гл. 9.

35 *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2000. P. 283. В середине столетия от 15 % до 20 % центральной бюрократии состояло из немцев и поляков. См.: *Pinter W.M.* *Op. cit.* P. 207–208.

36 *Macey D.AJ.* Government and Peasant In Russia, 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb, 1987. P. 44–68.

37 См., например: *Yaney G.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution In the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973; *Lieven D.* *Op. cit.*

38 См., например: *Raeff M.* The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *American Historical Review.* 1979. Vol. 84. April; *Vertier A.M.* The Crisis of Russian Autocracy. Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990; *Russian Officialdom...*

39 *McDonald D.M.* United Government and the Crisis of Autocracy, 1905–1914 // *Reform in modern Russian history: progress or cycle?* / Ed. and translated by T. Taranovski. Washington (D.C.), 1995. P. 208–212; *Vemer A.M.* *Op. cit.* Особенно гл. 2.

40 *Rieber A.* Frontiers In History // *International Encyclopedia of the Social Sciences.* Oxford, 2001. P. 5812–5819.

41 *Bracewell W.* The Uskoks In Senj. Ithaca, 1992; *Kaser K.* Freier Bauer und Soldat. Die Militarisierung der agrarischen Gesellschaft In der kroatisch-slavonischen Militargrenze, 1535–1881. Vienna, 1997; *Barrett Th.M.* At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, 1999.

42 Критический обзор литературы по данному вопросу см.: *Heywood C.* The Frontier In Ottoman History. Old Ideas and New Myths // *Frontiers In Question. Eurasian Borderlands, 700-1700* / Ed. by D. Power, N.L. Standen. 1999. P. 228–250.

43 *Aksan V.H.* Locating the Ottomans Among Early Modern Empires // *Journal of Early Modern History.* 1999. № 3. P. 121, 130–131.

44 *Stojanovich T.* Factors of decline of Ottoman Society In the Balkans // *Slavic Review.* 1962. December. № 4. P. 630–632.

45 *Rogan E.L.* Frontiers of the State In the Late Ottoman Empire, Transjordan, 1850–1921. Cambridge, 1999. P. 12–20.

46 *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. N.Y., 1972.

47 *Weeks Th.R.* Nation and State In Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. De Kalb, 1996:

Suny R.G. Looking Toward Ararat: Armenia In Modern History. Bloomington, 1993. P. 44–47.

48 *Ascher Ah.* The Revolution of 1905: Russia In Disarray. Stanford, 1988.

49 *Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge, 1994. P. 50.

50 *Rothenberg G.E.* The Military Border In Croatia, 1740–1881. Chicago, 1966. P. 42–46, 116–117, 122, 136–137, 163–164.

Доминик Ливен

Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада

Цель этой статьи – сравнить европейские империи на западной и восточной периферии. В первую очередь, это означает сравнение Российской и Британской империй, хотя речь пойдет и об Испании. В этой статье я не буду касаться другого полезного сравнения империй на европейской периферии, а именно России и Османской империи. К этому вопросу я уже обращался¹. К тому же, он затрагивается в других статьях этой книги. В своей статье я сконцентрирую внимание на том, что мне кажется главными атрибутами империй: это, с одной стороны, организация пространства и полиэтничности; с другой стороны, это подразумевает власть, и особенно «жесткую власть» или военную мощь в международном контексте.

Придавать преобладающее значение жесткой власти, когда речь идет об империях прошлого, немодно в современных западных академических кругах. Сейчас академические историки империй намного больше расположены сосредотачивать внимание на вопросах культуры, эпистемологии, самоопределения и расы по причинам, связанным с современными тенденциями западной мысли и целями внутренней политики западных государств. Тем не менее, наивно, как отмечает Линда Колли, предполагать, будто этих факторов достаточно, чтобы знать все необходимое о возникновении, выживании и влиянии империй². Забавно, но в то время, как историки пренебрегают реалиями власти в изучении империй, специалисты по международным отношениям, напротив, переживают запоздалое признание важности концепта империи именно из-за того, что остро осознают американскую мощь и ее последствия для существующего глобального порядка.

Доминация пяти держав в европейских межгосударственных отношениях возникла в XVIII веке и окончательно установилась после выживания Пруссии и внушительной демонстрации военной силы Россией в Семилетней войне³. Она была укреплена и в какой-то мере стала европейским институтом после поражения Наполеона и Венского конгресса. В рамках этого концерта пяти империй Россия и Британия были периферийными державами континента. Их общая и ключевая роль состояла в том, чтобы гарантировать, что Европа останется многополюсной международной системой и не попадет под гегемонию одной империи, как это обычно происходило в истории Восточной Азии и происходит в западном полушарии с тех пор, когда США стали великой державой.

Система пятивластия в Европе отчасти является результатом провала предыдущих попыток испанских Габсбургов и французской монархии установить гегемонию в Западной и Центральной Европе. Для этой статьи попытка Испании более интересна, потому что она во многом зависела от способности Габсбургов мобилизовать средства заморской империи для достижения господства в Европе военной и династической империи, связанной в типичном историческом стиле с универсалистской религией, в данном случае, католической контрреформацией. Главное различие в стратегии Испании и ее наследника на европейской атлантической периферии в том, что британцы никогда не следовали стратегии континентального превосходства. Вместо этого они сосредоточились на гегемонии в заморских территориях, сохраняя свое положение в Европе за счет политики равновесия власти. В моменты кризиса они поддерживали ее ограниченной военной интервенцией и, главным образом, большими субсидиями союзникам на континенте, возможными благодаря коммерческой гегемонии в заокеанском пространстве и колонизации⁴.

Основная характеристика европейской геополитики с 1756 до 1945 года состоит в том, что одному государству было сложно, но не невозможно захватить и контролировать «каролингское ядро» континента – Францию, Германию и Италию. И Наполеону, и Гитлеру это удалось. Вильгельм II был к этому близок. Однако, в определенный момент завоеватель сталкивался с двумя периферийными империями – Британией и Россией. Для того, чтобы установить полное господство в Европе, нужно было победить и покорить эти две империи. Безотносительно желания завоевателя достичь неоспоримой гегемонии на всем континенте, Британия и Россия не собирались терпеть его господство даже над «каролингским ядром». Если бы им была предоставлена свобода действий, они почти наверняка посягнули бы на его власть, и, скорее всего, сообща. Так они поступали с Наполеоном, Вильгельмом II и Гитлером.

Однако, проникнуть в ядро геополитической власти Британии и России и уничтожить его было чрезвычайно трудным предприятием. Периферийные державы обладали большим географическим преимуществом. Британия была защищена морем, а Россия – огромными пустынными равнинами Восточной Польши и Белоруссии и возможностью завести захватчика глубоко на свою территорию, не теряя при этом контроля над военными и экономическими ресурсами империи. Еще хуже было то, что решившему стать европейским властелином требовались разные типы армии, чтобы покорить эти две периферийные империи. В случае России нужна была большая подвижная армия с такой системой логистики, которая позволяла бы поддерживать ее на обширной и негостеприимной русской земле. Чтобы победить Британию, необходим был флот, способный противостоять Королевскому флоту, сила которого была частично основана на мощном торговом флоте и на обширной и богатой коммерческой и финансовой общемировой сети. В принципе, очевидная стратегия состояла, конечно, в том, чтобы установить гегемонию на континенте, и только тогда нападать на британскую морскую державу. Однако, британская правящая элита полностью отдавала себе отчет в этой опасности и всегда обрушивалась всей своей мощью на любого, захотевшего стать континентальным властителем. В конце концов, Британия всегда могла найти сильных союзников, поскольку (хотя государствам на континенте и не нравилось ее морское господство) это было менее опасно, чем если бы государство-соперник установило гегемонию в Европе, и они оказались бы в бессильной зависимости.

Если рассматривать европейское сообщество под таким углом, оно похоже на саморегулирующийся часовой механизм. В действительности все было совсем не так просто и автоматически. Временами обе периферийные державы склонялись к тому, чтобы сконцентрировать внимание на внеевропейских делах и оставить

Европу на ее собственное попечение. Классический пример: сосредоточенность России на Дальнем Востоке в 1896–1905 годах, из-за которой нарушилось равновесие сил в Европе, и которая стала одной из важных причин Первой мировой войны⁵. Некоторые современные консервативные британские историки жалеют, что Британия противостояла стремлению Германии к европейскому господству в XX веке, полагая, что в этом случае она напрасно пожертвовала своей заморской империей и глобальной властью⁶. Как и когда реагировали периферийные империи, зависело от того, была ли потенциальным гегемоном Франция или Германия. Если это была Франция, Британия естественным образом реагировала раньше, поскольку Франция – ее сосед, и любая французская экспансия начиналась, с наибольшей вероятностью, с захвата Нидерландов, независимость которых от какой-либо великой державы была неизменным пунктом в большой британской стратегии. Британия начала войну с Францией в 1793 году. Россия вступила в нее только в 1798-м и играла вспомогательную роль до 1806–1807 годов, когда стало ясно, что французское господство в Центральной Европе напрямую угрожает безопасности России.

Когда потенциальным гегемоном стала Германия, ситуация была сложнее. Будучи расположена в Центральной Европе, она могла атаковать либо на восток, либо на запад. И Британия, и Россия могли считать, что Германия не является для них прямой угрозой, и что великие державы смогут остановить ее по пути к другому краю Европы. Именно это и произошло, с фатальными последствиями, в 1930-х. Однако сравнение российской политики накануне 1914 и 1939 годов показывает, что ответить на угрозу потенциальной германской гегемонии было непросто. Россия могла попытаться победить Германию в союзе с Францией и Британией или распространить свои амбиции дальше на запад, в расчете на то, что французы и британцы остановят Германию. В то же время, они бы действовали на пользу России, относительная сила которой могла лишь возрасти по мере того, как ее соперники истощаются в борьбе за гегемонию в Западной Европе и на море. Перед 1914 годом царский режим выбрал противостояние. В 1939-м Сталин предпочел устранение. Обе стратегии были разумны в данном контексте. Обе кончились катастрофой⁷.

То, что периферийные державы Европы стали ее величайшими империями, вовсе не совпадение. Начиная с XVII века власть Европы росла относительно неевропейских государств, поначалу медленно, а потом, с развитием индустриальной революции, очень быстро. Наиболее выгодно расположенными, чтобы проецировать эту власть за пределы континента, были, естественно, периферийные государства. В любом конфликте географическое положение Британии (на пути голландского и германского морского сообщения с миром за пределами Европы) давало ей большие преимущества. Когда врагами были Франция или Испания, британская позиция оказывалась менее сильной. С другой стороны, в отличие от них, она могла сконцентрироваться на морской силе, и ей не надо было создавать больших армий, как Франции, чтобы защитить сухопутные границы. В продолжение долгого века англо-французского соревнования за заокеанскую империю Франция одержала победу единственный раз в 1778–1783 годах. Только в этой войне Франция могла сосредоточиться на силе флота, в то время как Британия, напротив, была ангажирована в крупной наземной войне за Северо-Американский континент. В более спокойные времена Британия могла намного свободнее, чем Франция, полагаться на сосредоточенные за океаном богатства и силы. Со временем это переросло в морскую гегемонию, которая, в свою очередь, сделала невозможным для какого-либо европейского противника помешать захвату Индии; или даже поставить под серьезную угрозу британскую власть в Ирландии или в английском ядре ее мировой империи⁸.

Примерно такое же сравнение можно провести между Россией и Австрией. Падение Золотой Орды, а много позже – Османской империи, создало большой геополитический вакуум в южноевропейской степи и в Сибири. Россия заняла это пространство, и, главным образом, ресурсы в Сибири, на Урале и в Новороссии позволяли ей играть роль великой европейской державы. Даже Украина и Новороссия были слишком удалены от ее великодержавных соперников, чтобы остановить сначала захват, а затем реализацию ресурсов этого региона, где к 1914 году была сосредоточена добыча угля и железа империи, а также главная житница и основные источники экспорта. «Независимость» Украины была возможна только под защитой одного из великодержавных противников России. Карл XII был уничтожен при попытке добиться этого. Больше таких попыток не было, вплоть до германского протектората в 1918 году, возникшего как следствие падения Российской империи.

Показателен контраст с усилиями Габсбургов в Венгрии. Все попытки надежно поставить Венгрию под централизованное управление Вены провалились. В 1867–1918 годах это имело очень серьезные последствия в том, что касается способности Габсбургов мобилизовать ресурсы для армии и помешать венграм провоцировать отчуждение славян и румын от империи. То, что Габсбургам не удалось абсорбировать Венгрию в той же степени, в какой Романовы смогли подчинить Украину, объясняется многими факторами. Однако, геополитика – наиважнейший из них. Во всех тех случаях в течение XVII, XVIII и XIX веков,

когда Вена, казалось, уже восторжествовала над мадьярами, либо Османская империя, либо Пруссия оказывали поддержку венгерской оппозиции и вынуждали Вену делать уступки. Основной пункт ясен. Даже в Восточно-Центральной Европе, не говоря уже о Западе, великодержавным соперникам было намного легче, поодиночке или в союзничестве, остановить экспансию.

Подобные рассуждения могут подразумевать чрезмерное уважение к геополитическому детерминизму. В реальности периферийность предоставляла преимущества, но — никакой гарантии успеха. В конце концов, существовали в разной мере сильные противники и на периферии. Для полной реализации преимуществ, предоставленных России и Британии их периферийным положением, соперников надо было победить. В обоих случаях для этого требовались огромные усилия и значительный опыт политического лидерства и создания эффективных институтов. Например, в случае Британии, тот факт, что, благодаря стабильному парламентскому режиму состоятельная элита контролировала финансы страны, сильно способствовал ее кредитоспособности и, тем самым, возможности тратить больше, чем тратила превосходившая Британию в 1688–1815 годах по размеру и богатству Франция⁹. В совсем другом географическом и экономическом контексте российское аристократическое государство и его союз с крепостническим дворянством являлось идеальным механизмом мобилизации необходимых для войны ресурсов в большой, бедной и неравномерно населенной стране. В случае России, решающей была неспособность ее соперника, Османской империи в XVIII–XIX веках, сравниться с этими возможностями.

Сказанное приводит к одному очевидному, но жизненно важному пункту. Как и в любой значительной империи, власть и в Российской, и в Британской империях поддерживал целый ряд различных факторов. В их число входят и геополитика, и демография, а также то, что Майкл Манн называет военными, политическими, экономическими и идеологическими факторами. Относительная важность этих факторов менялась со временем в обоих случаях: к примеру, появление доктрин народного суверенитета и этнического национализма в XIX веке и там, и там создало серьезные, прежде не существовавшие, идеологические проблемы. В том, что касается идеологической и культурной власти, соотношение двух империй сложное. В отличие от русских, англичане были, несомненно, более «современны», чем их подчиненные; в то же время, они гораздо неохотнее ассимилировали (небелых) подданных в общество и элиту своей метрополии, нежели русские. В сфере экономики сравнение намного более ясное. Британию значительно сильнее поддерживала коммерческая и финансовая сила, чем Россию. Будучи верным и для XVIII века, это обстоятельство развилось еще сильнее в XIX веке, когда индустриальная революция начала преобразовать силу государств.

В 1856–1914 годах Россия оставалась великой державой и великой империей. Несмотря на опасения части правящей элиты, она не оказалась в одном ряду с Китаем, Польшей или Персией, по крайней мере, не раньше 1918 года, когда самые страшные кошмары царских государственных деятелей воплотились в реальность: немцы заняли Ригу и Киев, турки — Баку, а Россия распадалась. К 1914 году потенциальная сила России и ее стремительное экономическое развитие стали предметом серьезной озабоченности и для Берлина, и для Лондона. Многие предсказывали, что будущее, и даже близкое будущее, будет принадлежать России, и эти предположения являлись очень важным фактором в политике великих держав и в создании ситуации для начала Первой мировой войны.

Однако, по ряду факторов Россия в 1856–1914 годах оставалась на экономической периферии второго мира Европы, будучи в социально-экономической сфере ближе к Италии и Испании, нежели к Германии и Британии. У нее было слишком много общих проблем в отношении политической нестабильности с этим периферийным, отсталым, но стремительно развивающимся вторым миром. Как обнаружили российские правители в 1905 и 1917

годах, единство на внутреннем фронте оказалось ключевым фактором для власти любой империи. В Британии и Германии относительное единство во многом достигалось благодаря военным победам и триумфальной консолидации империи. Относительная слабость усложняла такие победы для периферийных держав, которые в результате теряли легитимность. Жажда легитимности и признания привела Испанию и Италию к катастрофам Ануала и Адовы, которые, в свою очередь, стали причиной крупных политических кризисов их либеральных режимов¹⁰. Эквивалентом в случае России является война с Японией и революция 1905 года, не говоря уже о последовательном стремлении к международному статусу и признанию.

Различие между британской финансовой и коммерческой силой и российской, более традиционной военной и династической, империей фундаментальное. «Капитализм джентльменов» мог быть или не быть ведущей силой британского империализма, в России же он был бы экзотическим явлением¹¹. Относительная слабость коммерции и финансов помогает объяснить, почему Россия очень редко могла контролировать с помощью непрямого экономического воздействия даже прилегающие к ее границам территории. Политическая власть и аннексия с большой вероятностью наступала раньше, чем в случае Англии, хотя, как обычно, это частично зависело от того, могла ли угроза, исходящая от соперничающей державы, подстегнуть формальное установление прямого политического контроля.

Контраст между Британской, коммерческой, и Российской, военно-династической, империями совпадает с еще одним различием: различием морской и сухопутной империй. Поскольку с XVI века и до создания железных дорог (а часто и позднее) самым дешевым и быстрым торговым путем на дальние расстояния был путь по воде, одна из причин этого совпадения ясна. По мнению многих ученых, контраст между морской и сухопутной империями подразумевает различие между широко рассеянной коллекцией колоний в первом случае и политической системой, которая в зародыше несет в себе, как минимум, единое государство, а возможно и государство-нацию. В совокупности эти контрасты часто объединяются в различие между либеральной, рассеянной морской державой и самодержавной, централизованной сухопутной империей.

К некоторым из этих вопросов я вернусь в настоящей статье. На данный момент сделаю только три комментария. С одной стороны, безусловно верно, что империя, основывающая свое богатство и доходы на торговле, финансах и промышленности, должна быть менее репрессивна, чем та, сила которой зависит от сбора налогов и рекрутов с ориентированного на выживание крестьянства. К тому же, торговля на дальние расстояния влияла на распространение идей и раскрепощение умов. С другой стороны, наивно было бы автоматически приравнять морскую империю к либеральной. Несмотря на зависимость от морских сообщений, ни испанцы, ни японцы не могут быть причислены к категории либералов. История этих двух империй также не подтверждает идею, будто морская империя обязательно должна быть децентрализованной, тогда как сухопутная автоматически порождает централизацию. В XVI веке, к примеру, Кастилия правила заокеанской империей более централизованно, чем могла править Испанией в метрополии. Габсбургская империя в XIX веке была в каком-то смысле прообразом современной полиэтнической федерации. География действительно сильно влияет на империи, но политика влияет еще больше¹².

В настоящий момент меня больше волнуют стратегические различия между сухопутной и морской империями. До развития железных дорог быстрее и легче было проецировать власть на большие расстояния через море, нежели через сушу. Это делало для Англии покорение Индии более простым делом, чем для России – столкновение с Маньчжурской армией в Северо-Восточной Азии. Напротив, морские внутренние коммуникации империи более подвержены запрету, чем в случае укрепленной сухопутной империи. Это перестает

быть справедливым, только если морская империя обладает полной гегемонией на море и неуязвима для *guerre-decourse*. А это – редкая ситуация, которая зависит, отчасти, от поворотов в морской технологии, например от создания подводной лодки.

Для морской империи последствия прерывания морских путей сообщения могут быть скорыми и опустошающими. К 1780 году Испания очень сильно зависела от доходов, получаемых в американских колониях. Без них она не смогла бы содержать свою армию и должна была бы посягнуть на размещенные внутри Испании капиталы, чтобы хотя бы частично компенсировать эту потерю. Способность Британии в 1790 г. отрезать морские пути к Америке, и последующая зависимость Испании от Британии в 1808–1814 годах, внесли огромный вклад в потерю испанцами американской империи. В результате Испания перестала быть великой державой и на протяжении жизни целого поколения страдала от крайней внутренней нестабильности, приведшей к банкротству государства и вынудившей принять отчаянные меры, с помощью которых государство пыталось избежать фискального кризиса¹³.

В течение века после 1815 года Британию не волновала реальная угроза катастрофы в стиле Испанской империи. Однако в XX веке ей дважды приходилось опасаться, что германские подводные лодки перережут ее морские пути сообщения и торговли. Во Вторую мировую войну эта угроза была сильнее, потому что к тому времени Британская империя столкнулась с последствиями усиления неевропейских держав, поколебавшими ее положение на мировой арене. Растущая зависимость от Соединенных Штатов, а также разрыв англо-японского союза и развал британской системы имперской безопасности на Дальнем Востоке, существовавшей до 1914 года, обошлись дорого¹⁴.

Последствия этой политики стали очевидны в 1941 году. Столкновение с растущей силой Японии было для России и для Британии похожим ударом, хотя одна была сухопутной, а другая – морской империей. Обе они были, прежде всего, европейскими политическими системами, население, политические капиталы и экономические центры которых находились в Европе. Однако, обе они имели ценные территории и интересы в Восточной Азии, расположенные гораздо ближе к японскому, а не к своим собственным центрам силы. При одновременном нападении Японии на Восточную Азию и Европу существование обеих империй подверглось бы риску. Лидеры России, как до 1914 года, так и в 1930-е годы, признавали этот факт. То же можно сказать и о британских лидерах в 1930-е годы. В то время было еще совершенно неясно, решит ли Япония атаковать с севера Россию или с юга Британию¹⁵.

Это лишь один пример того, как Британия и Россия сталкивались со многими общими имперскими стратегическими опасностями, несмотря на то, что первая была морской, а вторая – сухопутной империей. Однако, все затмевал один, уже отмеченный, факт: безопасность ядра обеих империй была под вопросом в случае способности Франции или Германии контролировать целиком Западную и Центральную Европу. Почти столь же значимо то, что с середины 1750-х годов до 1917 года Британия не могла себе позволить оставаться исключительно морской империей, а Россия – исключительно сухопутной.

В случае Британии это достаточно очевидно. Владение Канадой и Индией заставляло ее заботиться об огромных сухопутных границах. Дилемма России менее известна, во всяком случае для англоязычной аудитории. Главное то, что царская Россия являлась частью европейской и мировой экономики в течение последних 150 лет своего существования. Изоляция от мировой экономики грозила плачевными последствиями для ее финансовой и внутренней политики. Это было так, и когда Александр I принял континентальную систему Наполеона после Тильзита, и когда союзники блокировали Россию в Крымской войне, и когда пролив Зунд, а также Босфор и Дарданеллы находились под контролем центральных держав во время Первой мировой войны. К тому же, в результате экспансии Российской империи ключевые города, в том числе столица, оказались на уязвимых побережьях. В случае Черного

моря и Тихого океана нужно было строить флоты, базы и поддерживающие инфраструктуры на огромных расстояниях от центра российской власти до конечных пунктов очень несовершенных путей сообщения. Это увеличило и без того большие расходы на содержание флота, всегда требовавшего самых сложных и дорогих технологий. К тому же, эти базы оказались крайне уязвимы для контрударов врага. В Крымской и Японской войнах были, в результате, потеряны и флоты, и базы.

Однако, царская Россия не имела средств, чтобы разрешить эти проблемы морской и имперской безопасности. В течение всего периода с 1789 до 1914 года проливы и Константинополь оставались главной и постоянной проблемой. Любая значительная сила, обособившаяся в Константинополе, могла при желании прервать важнейшие каналы российского экспорта и угрожать всему ее Черноморскому побережью. Это был российский эквивалент ситуации, в которой иностранная власть контролирует Бельгию и Ла-Манш. Но даже если бы русским удалось захватить Константинополь, их проблемы не были бы решены. Они бы оказались в «счастливом» положении итальянских морских стратегов, которые были заперты в Средиземном море, все выходы из которого контролировала Англия, и чья торговля зависела от доброй воли Британии¹⁶.

Разница между сухопутной и морской империями охватывает не только военные вопросы, как бы важны они ни были. Общим ключевым элементом для многих империй (а для России и Британии решающим) является колонизация. Создание путем колонизации новых Англий и новых России трансформировало глобальную геополитику. В целом, западные историки империи больше всего интересуются ролью морских империй в создании современной мировой экономики. Основная причина такого интереса кроется в марксистской критике империи, построенной на экономическом анализе и идущей к самому сердцу идеологических разногласий не только во время холодной войны, но и в сегодняшних дебатах о бедноте и зависимости «третьего мира». Однако, в создании современного мира роль европейской колонизации не менее важна, чем интеграция империй в мировую экономику. Русские колонизировали, в основном, прилегающие территории. Британские колонисты чаще всего путешествовали за море. Почти все бывшие колонии Британии теперь – независимые государства. Многие земли, колонизированные русскими, до сих пор являются частью Российской Федерации. В своем обзоре колониализма Юрген Остерхаммель утверждает, что это – типичное различие между морской и сухопутной колонизацией¹⁷.

Нетрудно понять, почему так происходит. Океанские пути сообщения длинны и уязвимы. У метрополии вполне может не хватить сил, чтобы оградить заморские колонии от внешней угрозы или остановить внутренних врагов. У колонистов долгое и опасное морское путешествие создает впечатление, что они находятся в новой чужой земле. Такое же ощущение может возникнуть и при столкновении с естественной окружающей средой в чужой земле. На окраине империи существуют свои собственные нравы и общество, которое неизбежно отличается от иерархической системы метрополии. Все правда, но этого недостаточно, чтобы объяснить различие траекторий русской, британской и испанской колонизации. Огромная пропасть лежала между казаком и царской элитой XVII века, еще больше был политический и культурный разрыв между лондонскими и виргинскими джентльменами. Сознательное регионалистское движение и особая идентичность возникли в Сибири в XIX веке как результат отчасти пограничных условий, отчасти смешения с местным населением¹⁸ (ни один британец не считал для себя возможной общую с местным населением и отличную от британской идентичность). В ином политическом контексте вполне можно было бы себе представить возникновение отдельной казацкой и сибирской государственности. Царское правительство следило за тем, чтобы такого не произошло.

Ключевым фактором в искоренении политически значимых казацкой или сибирской идентичностей являлся отказ царского правительства разрешить что-либо похожее на колониальные собрания или другие политические институты, вокруг которых создавались, политизировались и защищались отдельные идентичности в Британской империи. В Испанской империи не было ничего сравнимого по масштабу, но провинциальные институты, заполненные креольскими элитами, которые часто покупали свои должности, также способствовали укреплению отдельных идентичностей и определению границ будущих независимых государств. Здесь можно провести очень приблизительную параллель с федеративной структурой Советского Союза и ее решающим воздействием на формирование отдельных государств; царская Россия была безоговорочно более однородной и централизованной, особенно в славянских провинциях.

Самодержавие имело склонность не давать долго работать региональным институтам и не позволять укореняться особым политическим идентичностям – отчасти, из принципа, отчасти, чтобы максимально увеличить доходы. В некоторых периферийных регионах, в первую очередь, в Финляндии, балтийских провинциях и (недолго) в Польше, действительно, сохранялись полуавтономные местные институты. Но, по логике самодержавия, не говоря уже о настроениях русских, было очень трудно совместить самодержавие в российском центре с политической свободой на нерусской периферии. Декабристы сделали это очевидным для Николая I. Но единство и неделимость империи изначально были абсолютным принципом.

Сходная логика работала в другом направлении в Британской заморской империи. С самого начала делалось ясное различие между Английским Королевством (а позже Объединенным Королевством) и заморскими колониями. Это, отчасти, было признанием расстояния и географических реалий. Однако, в том, что касается небелой империи, оно выросло также из страха, что республиканские права свободных людей будут, как в Риме, принесены в жертву коррупции и деспотизму восточной империи. Это объясняет опасения конца XVIII века, будто возвращающиеся из Индии «набобы» с их несправедливыми богатствами подорвут английскую конституцию. Жесткое различие метрополии и колоний давало конституционное оправдание того, чтобы жители метрополии считались гражданами, тогда как люди, населяющие некоторые колонии, всего лишь, – подданными. Тем не менее, с самого начала право свободных англичан на гражданские права и представительство принималось как должное. Правда, распространение основных прав англичан на всех подданных короны заняло века. Но даже в 1790-х годах, когда авторитарные доктрины набрали силу из-за потери Америки и Французской революции, французским колонистам в Канаде было предоставлено представительство и гражданские права¹⁹. Несмотря на империалистическое и расистское хамство, гражданские и политические права были предоставлены индийской элите и средним классам еще до Первой мировой войны.

Признавая долгосрочное влияние политических традиций метрополии на империю, важно, однако, избегать исключительно телеологического взгляда и не упускать из виду разные пути провинций и колоний империи, не говоря уже о разнице между эпохами. Это становится еще более заметным, если сравнивать Британскую и Российскую империи. Обе с течением времени развивались. Обе были многоликими. Хотя в России было мало «джентльменов-финансистов», все-таки и в российской, и в британской имперской системе было множество военных «проконсулов»²⁰, колонизаторов и аристократических клиентов империи из коренного населения. В общем, различные британские и российские провинции и колонии воплощали разные аспекты империи.

В некоторых случаях сравнение между британской и российской империей оправдано. В других оно не имеет смысла, кроме, может быть, желания подчеркнуть, насколько различались обе империи.

Ближе всего к британской цветной империи в XIX веке была Средняя Азия, в которой русские нуждались, отчасти, как в поставщике хлопка, а, отчасти, как в оружии в большой игре. На ум приходит сравнение с британским Египтом. Ранее существовавшая в Сибири империя, опиравшаяся на торговлю мехом, имеет самое большое сходство с аналогичным господством Франции в Канаде. Самый близкий эквивалент огромным заморским новым Англиям и новым Испаниям – колониям поселенцев, позже наводнившим мировой рынок зерном и мясом, – колонисты, которые заселили южную степь и сделали Новороссию житницей империи. Очень важно, что этот обширный, новый и важный регион не подорвал царского социального порядка. Землевладельческая аристократия, состоящая частично из старых русских дворян, но также и из иностранцев и социально подвижных элементов, выросла в этом регионе и была включена в царскую элиту. Сибирь XIX века, напротив, была землей крестьянских колоний. Поскольку британские колонии в Америке имели виргинские плантации и колонистов-фермеров в Новой Англии, можно, наверное, провести здесь параллель.

В некотором отношении западные границы царской империи, по крайней мере, в последние ее десятилетия, абсолютно отличались от Британской. В течение всего времени существования Британской империи ее элиты и даже более широкие слои населения были убеждены в превосходстве своей цивилизации, своего военного и экономического развития над народами, землю которых они колонизировали, и среди которых они жили. Ко второй половине XIX века огромный рост британского могущества, вызванный промышленной революцией, укрепил эту убежденность. Огромный разрыв между наиболее развитыми европейскими державами и «третьим миром» и его народами – одна из ключевых причин волны аннексий в 1875–1914 годах и того бесконечного презрения, с которым часто относились к слабым.

Россия, напротив, находилась на дальней восточной окраине Европы. Промышленная революция с самого начала расширила пропасть между европейским центром и периферией. К тому же, в XVIII веке царская Россия добилась триумфального успеха в главных имперских делах, а именно, в войне и территориальной экспансии. Это уменьшило страхи, внушенные культурной отсталостью: в конце концов, римские элиты часто склонялись перед греческой культурой, утешаясь воспоминаниями о своих военных и политических победах.

В последние десятилетия политика царизма казалась менее успешной, и уверенность в себе русских элит снизилась. Ощущение уязвимости, связанное с кризисами, которые были вызваны проникновением капитализма в западные окраины, очень усилилось после двух польских восстаний и объединения Германии. Казалось, что враги сосредотачиваются и снаружи, и внутри. К 1900 году Германия стала самым сильным государством в Европе и в военном и в экономическом отношении. Элиты западных окраин могли быть либо польскими, либо немецкими или еврейскими. У первых было достаточно причин, чтобы предпочитать толерантность Габсбургов господству Российской репрессивности. У вторых были те же причины предпочитать и Австрию, и Германию. Каковы бы ни были их предпочтения, они доминировали в обществах региона, который надо было пересечь, чтобы вторгнуться в сердце России. Все эти факторы, а также, конечно, типичные для поздней викторианской эпохи империалистические и расистские концепции, повлияли на представления русских о западных окраинах. Прежде всего, осознание того, что Россия слабее Германии, и что российские массы отстают от немцев, поляков и евреев в образовании, богатстве и предпринимательстве, переросло в острое чувство культурно-этнической уязвимости, действительно нетипичной для европейских морских империй, но вполне понятной, если вспомнить известное сравнение положения России в Европе и в Азии, принадлежащее Достоевскому.

Однако можно провести в каком-то смысле полезное сравнение некоторых британских колоний и западных окраин Российской империи. Речь идет об Ирландии и Польше. Безусловно, ни один англичанин не считал ирландцев культурно более продвинутыми, чем его

страна. В этом смысле параллель с российской Польшей конца XIX века – бессмыслица. С другой стороны, в обоих случаях метрополия и колониальная провинция были разделены глубокой религиозно-этнической и исторической ненавистью.

В XVI–XVIII веках Ирландию рассматривали как уязвимый черный ход в Англию, через который могли атаковать французские или испанские католики. В то время англичане подрывали позиции ирландской землевладельческой элиты и отказывали католикам в местах в правительстве и в некоторых профессиях. Таким образом, они убедили себя в том, что их власть в Ирландии – в безопасности, по крайней мере, в отсутствии французской агрессии²¹. В Польше XIX века русские следовали похожей стратегии, хотя и с меньшими рвением, беспринципностью и достижениями.

Может быть, им следовало бы усвоить урок, преподанный Ирландией в XIX веке, где грамотность населения и социально-экономическая модернизация способствовали подрыву политического режима XVIII века, а с ним – и союза с Британией²². Ключевой момент здесь в том, что в предмодерную эпоху империя вполне могла быть федерацией аристократий. Российская империя – один из вариантов политических систем такого типа. Она интегрировала ряд нерусских аристократий в имперскую элиту и предоставляла им преимущества и престиж карьеры на службе империи, а также защиту от их крепостных и выгоды торговли на имперском рынке. Например, очевидно, что немецкая аристократия в балтийских провинциях получала больше преимуществ от царской империи, нежели русское крепостное крестьянство. Британия в XVIII веке была уже больше, чем аристократическая федерация. Это была, к примеру, огромная торговая сеть, к тому же, она имела много относительно демократических, самоуправляющихся колоний поселенцев. Но значительная часть империи была аристократической федерацией и оставалась ею даже в XX веке. К тому времени стремление управлять Ирландией при помощи союза с протестантским аристократическим «потомством» стало уже давно неуместным. В таких менее развитых регионах, как Бискайский залив, Индия и Малайя, подобная политика союза с аристократической элитой оставалась еще, в полной мере или частично, реальным вариантом.

В Польше конца XIX века, как и в Ирландии, эта стратегия перестала быть достаточной. Чтобы сохранить такие развитые общества, как Польша и Ирландия, особенно когда демократические и этнонационалистические доктрины глубоко укоренились в Европе и угрожали традиционным идеологическим основаниям, в империи нужны были новые меры.

Тратить время и средства на безуспешные попытки поселить на западной окраине русских землевладельцев (как это делала Россия) было бесполезно: больше пользы принесло бы вложение средств в начальное образование белорусского и украинского крестьянства в «русском духе»²³. Но в 1860-х годах царское правительство не было расположено рассуждать в таких категориях. Кроме того, плохие отношения режима с большей частью интеллигенции означали, что учителя могли с одинаковой легкостью стать как агентами имперского патриотизма и русской культурной ассимиляции, так и агентами социальной революции²⁴.

Это подводит нас к одной из главных слабых сторон царской империи в ее последние десятилетия. Отчасти, потому, что ей не предоставили надежных гражданских и политических прав, преданность русской интеллигенции часто была, в лучшем случае, не всецелой. Это неизбежно влияло и на нерусских интеллигентов, от которых трудно ожидать большего энтузиазма по отношению к царизму, чем от их русских собратьев. Контраст с Объединенным Королевством очевиден. Например, до 1914 года подавляющее большинство образованных шотландцев в Британской империи счастливо сочетали шотландскую и британскую идентичность с большой гордостью за Британскую империю. То, что для многих поколений эта империя казалась самой развитой, богатой и сильной в мире, конечно, сильно способствовало такому положению вещей. Однако, способствовало ему еще и то, что шот-

ландцы полностью располагали гражданскими и политическими правами граждан Британии, не говоря уже об отдельной иерархии духовенства, образовательной и гражданской системах. Даже в среде ирландского католического среднего класса в начале XX века преимущества принадлежности Британской империи широко признавались. Популярной идеей было местное самоуправление, но не полная независимость.

Пытаться делать общие выводы из сравнения Британской и Российской империй – трудная задача. Как было отмечено, это большие и неоднородные политические системы, которые сильно различались в разных провинциях и в разные эпохи. Один из способов синтезировать сравнение – подумать о власти, особенно в ее внешнем, международном контексте. Такая власть, как мне кажется, – это смысл существования и суть империи. И Британская, и Российская империи, прежде всего, обладали огромной властью. Учитывая это, а также факт сосуществования великих европейских держав в одной международной системе, неудивительно, что в этом аспекте Британского и Российского империализма есть много сходств. То, что это были не только великие державы, но и империи на европейской периферии, увеличивает сходство. Таким же образом влияет и тот факт, что обе империи в конце XVIII и начале XIX века существовали в мире идей о пан-Европе. К 1900 году, будучи империями, обе они столкнулись с вызовами доктрин этнического национализма и народного суверенитета. На достаточно высоком уровне обобщения можно провести параллель не только относительно этой опасности, но и относительно реакции на нее обеих империй. Однако, в ту минуту, когда спускаешься с этой высоты, становится ясно, какие огромные различия существуют между двумя этими системами.

Я попытаюсь быть более точным. На мой взгляд, с 1850-х годов перед империями стояла дилемма. Ко второй половине XIX века уже стало ясно, что будущее будет принадлежать системам континентального масштаба. Только они останутся по-настоящему великими державами. От де Токвилля и Герцена до Сили, Маккиндера, Леруа-Болье и Трейчке это было общепринятой точкой зрения. Эта ключевая идея лежала в основе эпохи «высокого империализма». Но социально-экономическая модернизация в Европе, а также распространение националистических и демократических идеологий, казалось, ставили под вопрос выживание империй в длительной перспективе. Как можно было разорвать этот круг?

Разные империи прибегали к разным мерам, чтобы решить эти вопросы. Очень распространена была стратегия попыток сплотить как можно большую часть империи в центральную этнонациональную систему. Это позволяло империи хотя бы в своем ядре легитимировать себя и мобилизовать достаточные ресурсы, вызывая к народному национализму. Малые и менее развитые народы на периферии могли быть привлечены к этому ядру за счет таких преимуществ империи, как безопасность, широкий рынок и престиж принадлежности к великой державе, а может, и цивилизации.

И русские, и британские империалисты часто рассуждали в таком духе. В случае Британии, имперская федерация сделала попытку скрепить Объединенное Королевство и белые колонии во всемирную Великую Британскую федерацию с общей оборонной и внешней политикой, обладающую элементами единого защищенного имперского рынка и объединенную общей британской гордостью и идентичностью. Русским аналогом этой политики было решительное намерение помешать возникновению отдельной украинской или белорусской национальной идентичности и высокой культуры²⁵ Если бы удалось сделать украинских и белорусских крестьян современными русскими гражданами, отождествляющими себя с русским государством и с высокой русскоязычной культурой, две трети империи принадлежали бы центральной национальности. Если бы они развили отдельное, не говоря уже о сепаратистском, национальное самосознание, тогда только 44 % населения были бы русскими: иными словами, меньше, чем была доля немцев и венгров в Габсбургской империи.

Если русские и британские империалисты и сходились в выборе стратегии в широком смысле, история, политическая традиция и природа их обществ делали конкретные опасности, с которыми они сталкивались, и их реакцию очень разными. Задача формирования идентичности неграмотных украинских крестьян в период, когда они впервые столкнулись с образованием, урбанизацией и модернизацией, сильно отличалась от задачи убедить широко образованных и политически активных белых колонистов сохранять чувство своей британской идентичности и политическую лояльность Британскому государству. Политические контексты также очень различались. Всегда твердо убежденная в том, что свободные англичане заслуживают гражданских прав и представительства, Британская империя, начиная с 1840-х годов, постоянно двигалась по направлению к колониальному самоуправлению. Переговоры и поиски консенсуса между независимыми *de facto* государствами – с такой действительностью столкнулись британские имперские федералисты в конце викторианской эпохи. Нельзя представить себе ничего менее похожего на отношения царского режима и украинской деревни. Так же и в сравнении Ирландии и Польши 1900 года, контраст между либеральной и все более демократической Британией и царским самодержавием очевиден и решающе важен. В Ирландии Британское государство выкупило земельные владения, уступило контроль над образованием и местным управлением католическому большинству, обеспечило всем гражданские права и политическое представительство массовому электорату. Такой подход к нейтрализации и сосуществованию с ирландским национализмом невообразим в контексте царской России.

Так, мы возвращаемся к различию между либеральной и авторитарной империями. Это очень кстати, потому что, каково бы ни было значение и схожесть геополитических позиций или силовой политики империй-противников, ценности, за которые они выступают, не теряют значения. Ключевым фактором для империй и великих держав, в конечном счете, является то, что их идеологии доминируют в мире. На этой стадии оценивающее сравнение империй неизбежно.

Несомненно, большинство современных европейцев без колебаний отдали бы предпочтение британской либеральной модели империи перед царским режимом. Хотя для этого есть веские причины, не стоит забывать и о недостатках, присущих либеральной империи. Приведем всего один пример: и Гвичардини, и Юм отмечают, что намного предпочтительней быть подданным князя, нежели республики, из числа граждан которого твоя община исключена. Они пришли к этому выводу после изучения античности и эпохи городов-государств в Италии. Однако, этот вывод никогда не имел такого широкого подтверждения, как в колониях белых поселенцев. Это были самые демократические системы для своего времени. Но в том, что касается коренного населения и всех людей небелой расы, они были на уровне самых грубых и несправедливых систем, систематически экспроприировали землю у местного населения, лишали его большинства гражданских прав и, нередко, не только не препятствовали, но и одобряли этнические чистки и массовые убийства²⁶. Для коренного населения традиционные бюрократические или аристократические империи были, в общем, намного предпочтительнее. В этом, возможно, содержится предупреждение. В той мере, в которой мы сегодня взаимозависимы в глобализованном мире, электорат «первого мира» имеет власть над развитием событий в Северной Америке и Европе. Если продолжить параллель с колониями белых поселенцев, демократия в «первом мире» не является гарантией того, что интересы зависимых в «третьем мире» будут учитываться.

Примечания

1 См.: *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. London: John Murray, 2000. Часть этой статьи напрямую вытекает из исследования, проведенного мною для этой книги.

Я предлагаю читателям обратиться к ссылкам, и особенно к большой библиографической статье, помещенной в этой книге. Я лишь отмечу здесь некоторые тексты ключевой важности и ряд работ, изданных со времени публикации моей книги.

2 Colley L. What Is Imperial History Now? // What Is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Palgrave: Houndmills, 2002.

3 Scott H.M. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge: CUP, 2000.

4 Kennedy P. The Rise and Fall of British Naval Mastery. London: Penguin, 2001.

5 Тема, заслуженно являющаяся ключевой в книге: Stevenson D. Armaments and the Coming of War: Europe, 1904–1914. Oxford: Clarendon Press, 1996.

6 См.: Charmley J. Chamberlain, Churchill and the End of Empire // The Decline of Empires / Ed. by E. Brix, K. Koch, E. Vyslonzil. München; Vienna: Oldenbourg; Verlag für Geschichte und Politik, 2001. P. 127–134.

7 Я более подробно рассматриваю это в книге: Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. London: Macmillan, 1983. Особенно гл. 4, разд. i.

8 Чтобы сравнить колониальные войны, которые вела Британия, см.: Lenham B. Britain's Colonial Wars, 1688–1783. London: Longman, 2001.

9 См., в частности, главу: Bonney R. The Eighteenth Century. The Struggle for Great Power Status and the End of the Old Fiscal Regime // Economic Systems and Finance / Ed. by R. Bonney. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 315ff.

10 Недавно изданы две превосходные книги об этом аспекте испанского и итальянского империализма: Balfour S. Deadly Embrace: Morocco and the Road to the Spanish Civil War. Oxford: OUP, 2002; Duggan C. Francesco Crispi: From Nation to Nationalism. Oxford: OUP, 2002.

11 Это, конечно, термин, использованный в работе: Cain P.J., Hopkins A.G. British Imperialism. London, 1993.

12 History for Strategists: British Seapower as a Relevant Past // Seapower: Theory and Practice / Ed. by G. Till. London: Frank Cass, 1994. P. 7 ff.

13 См.: Ringrose D. Spain, Europe and the «Spanish Miracle», 1700–1900. Cambridge: CUP, 1996; а также гл. 9 в изд.: Lynch J. Bourbon Spain, 1700–1808. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

14 Помимо глав об имперском и морском расширении в сборнике «Seapower», см. также: Anglo-Japanese Alienation, 1919–1952. Cambridge: CUP, 1982.

15 См. сталинское сравнение положения России в 1914 и 1935 годах: Tucker E. Stalin In Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: W.W. Norton, 1990. P. 343.

16 Эти вопросы я рассматриваю в статье, которая будет посвящена стратегии Российского флота в 1905 и 1914 годах, и основана на исследовании архива Российского флота.

17 Osterhammel J. Colonialism. Princeton; Kingston: Marcus Wiener; Ian Randle, 1997. P. 4 ff.

18 См., например: Faust W. Russlands Goldener Bodfen: Der Sibirische Regionalismus In der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts. Cologne, 1980.

19 См.: Bayly C. Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830. London, 1989.

20 См. сравнение: Глуценко Е.А. Строители империи: Портреты колониальных деятелей. М.: Дом XXI век; Согласие, 2000.

21 Connolly S.J. Religion, Law and Power: The Making of Protestant Ireland, 1660–1760. Oxford: OUP, 1992. P. 250.

22 См. интересное обсуждение гражданского общества в Ирландии XIX века в гл. 5 книги: Kissane B. Explaining Irish Democracy. Dublin: UCD Press, 2002.

23 Отмечено в работе: *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy In the Western Provinces of the Empire*. Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998.

24 По вопросу о роли образования в формировании империй в XIX веке существует обширная библиография. Недавно вышла интересная работа: *Boyd C. Historia Patria. Politics, History and National Identity In Spain, 1875–1975*. Princeton: Princeton UP, 1997.

25 По этому вопросу см., помимо источников, упомянутых в моей книге «Empire», очень интересный новый труд: *Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и в русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*. СПб.: Алетейя, 2000.

26 Я не просто бросаю камень в британские колонии поселенцев США. Алжирские коренные жители чувствовали себя намного лучше под авторитарным правлением Наполеона III, чем при демократической Третьей Республике; см.: *Lustick I. State-Building Failure In British Ireland and French Algeria*. Berkeley: IIS, 1985. Ch. 4.

Перевод с английского Елизаветы Миллер

Андреас Каппелер

Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды

«Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и Ростовский и Пермский и иных» – это скромный титул Московского князя в договоре с королем Польши и великим князем литовским в 1449 году¹.

«Божиею поспешествующей милостию Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и Всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель». Таков был титул Петра I в 1721 году².

Титул 1721 года в сравнении с титулом 1449 года содержит целый ряд новых элементов: 1) понятие «самодержец», принадлежавшее ранее византийскому автократу-царю; 2) понятие «царь», с одной стороны, в отношении всей России (в более раннем времени «всей Руси»), с другой стороны, царь Казани, Астрахани и Сибири, значит, трех ханств – наследников Золотой Орды, которые в русских источниках всегда назывались царствами; 3) понятие «император», введенное в 1721 году по примеру римских императоров. Только с этого года Россия и стала, собственно, называться империей; 4) названия многих земель, которые с XV до начала XVIII века входили в состав России.

Сравнение титулов показывает, что в течение примерно 270 лет из Великого княжества Московского, одной из нескольких политических единиц Руси, образовалась огромная евразийская империя, которая распространилась с берегов Балтийского моря до берегов Тихого океана, с Кольского полуострова на берегу Ледовитого океана до Астрахани на Каспийском море и до Киева на Днепре.

Древняя Русь возникла в контексте Евразии на перекрестке торговых путей из Балтийского в Черное и Каспийское моря, в Константинополь и Багдад, и из Центральной Европы в Крым. Она находилась под влиянием византийско-православной, норманско-языческой, римско-латинской, степной и исламской цивилизаций. С христианизацией в конце X века усилилось воздействие православных культур греков и южных славян; с завоеванием большей части Руси монголо-татарами в XIII веке она стала частью огромной Монгольской империи. В XIV и XV столетиях северо-западная Русь была провинцией Золотой Орды, и русские князья, среди которых Московский князь выделялся как ведущая сила, платили дань ханам в Сарае; западная Русь одновременно была подчинена великим князьям литовским.

В XV столетии политический порядок Евразии резко изменился. Пали империи Византии и Золотой Орды, а вместе с ними – самые важные духовные и политические координаты Москвы и других княжеств северо-восточной Руси. Постимперская ситуация середины XV века явилась исходным пунктом для возникновения Российской империи³.

Сразу началась борьба за наследство Золотой Орды в Восточной Европе. Орда в середине XV века распалась на Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства – все под управлением чингисидов, – а также Ногайскую Орду и Московское великое княжество. Самыми сильными конкурентами среди наследников были Крым, Казань и Москва. Победу

одержало Московское великое княжество, которое таким образом превратилось в Российскую империю. Наследниками Византии уже в 1453 году окончательно оказались османские турки. Они восстановили большую часть Византийской империи в Азии и Европе и стали ведущей державой Средиземного моря.

Парадокс состоит в том, что наследником православной империи стала исламская держава Азии, а наследником степной исламской империи – православное восточноевропейское государство. Московский великий князь после падения Константинополя был даже единственным суверенным православным правителем. Имел ли он претензии на наследство византийского императора? Второй брак Ивана III в 1472 году с Зоэ-Софией, племянницей последнего византийского императора, и некоторые сочинения церковных писателей этого же периода, которые называют Москву «Третьим и последним Римом», указывают на возможность такого намерения. В историографии долго господствовало мнение, что учение о Москве как «Третьем Риме» было политической идеологией, и что Россия с этого времени проводила целеустремленную политику восстановления Византийской православной империи. Однако, как уже было доказано несколько десятилетий тому назад, это анахронический вывод. В источниках нет указаний на то, что Московские великие князья считали себя наследниками византийских императоров и имели претензии на их наследство⁴.

Подобным же было отношение османов к наследию Золотой Орды. В дипломатических отношениях с Россией османское правительство иногда протестовало против завоевания мусульманских юртов неверными русскими. На практике оно ограничивалось поддержкой крымских татар (Крым и степь на севере Черного моря принадлежали к средиземноморской зоне влияния османов) и только однажды, в 1569 году, организовало (неудачный) поход на Астрахань.

Для создания Российской империи в XVI веке борьба за наследие Золотой Орды явилась более важной, чем так называемая *translatio Imperii* Второго на «Третий Рим». Престиж царей-чингисидов, подданными которых русские были в течение более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России. Это отражается и во всеобщем уважении к чингисидам и другим татарским аристократам в Московской России, и в принятии Иваном IV титула царя в 1547 году в контексте завоевания Казанского ханства. Так, в 1554 году по наказной памяти русские дипломаты, которые вели переговоры с польскими послами, на вопрос «почему князь велики зовется царем» должны отвечать: «а наши государи от начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые венчаютца; и опричь Русские земли ныне государю нашему Бог дал царство Казанское... и государь наш ныне з Божьею волею пишетца царем Русским и Казанским, и то, панове, место Казанское и сами знаете извечное царское...»⁵. Тезис о наследии Орды был выдвинут уже в 1920-х годах евразийской школой, особенно ее выдающимся историком Георгием Вернадским⁶.

Интерпретации евразийцев, однако, были, как правило, слишком односторонними и не обращали должного внимания на другие факторы возникновения Российской империи, такие как «собрание русских земель» на Западе, стремление к экономическим выгодам, к «прибыли» (например, в случае Сибири) и на ситуационные элементы, например, личные инициативы полководцев, использование политического вакуума или состояние межнациональной политики.

С другой стороны, русская дореволюционная и советская историографии оценивали влияние Золотой Орды на историю России как исключительно отрицательное, как «татарское иго». В интерпретации господствующего эволюционизма кочевники вообще считались отсталыми и должны были быть цивилизованы прогрессивными русскими европейцами. Достижения монголо-татар в области военной и государственной организации, налоговой системы, коммуникаций, международной торговли и культурного обмена не были оценены.

Подобные интерпретации применялись и к проблеме «присоединения» новых территорий к России, которые были оправданы историками. Однако, советские историки в 1920-х и 1930-х годах отказались от такого евроцентристского, колониального мировоззрения и интерпретировали экспансию России как серию военных и политических захватов, которым нерусские с основанием сопротивлялись. Под воздействием советского патриотизма и догмы о «дружбе народов» советская историография с конца 1930-х годов вернулась к оценке процесса присоединения новых территорий к России сначала как к «наименьшему злу» (ввиду опасности господства над ней других отсталых стран), а затем как к абсолютно прогрессивному явлению, потому что нерусские народы, таким образом, приближались к братскому русскому народу, вместе с которым пожинали плоды цивилизации и Великой Октябрьской социалистической революции. К такой интерпретации подходит и то, что конкуренты России в процессе экспансии – Османская империя, Польшо-Литовское королевство, Швеция или Иран – обычно считались отсталыми или, по крайней мере, чужими и агрессивными державами. Другие интерпретации, особенно со стороны историографий нерусских народов, не допускались⁷.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.